„Общими силами“

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

УЧЕНИЦЪ 1-Й ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ, ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

№ 2-й. 1915 г.

Содержаніе: Подъ вѣковыми дубами. Стих., *Галочка.* Личность Лермонтова (продолж.), *N. O.* Льдинка.—*Съверикъ.* Подругѣ дѣтства. Стих., *Ассэнга.* Неронъ (продолж.). Утопленникъ.—*К.* Добровольцы.—*Бррр....* Прежнее величіе, стих.,—*Несмѣянова.* Губернаторъ,—*Ефимова.* Настоящее, прошедшее и будущее кинематографа. Посвящается Машѣ,—*Лилія.* Посвящ. Т. стих. Скрипачъ,—*О.* „Не въ деньгахъ счастье“, продолженіе—*Смолянка.* Тяжело стих.,—*Ля.* **Смѣсь:** Мосты и острова. Былина. **Хроника.** Ребусъ. **Критика.**

Подъ вѣковыми дубами.

Подъ вѣковыми дубами
На холмѣ песчаномъ крутомъ
Забытый своими друзьями
Спитъ непробуднымъ онъ сномъ.

* * *

И крестъ надъ могилой героя
Уже покосился давно
Ничто не нарушитъ покоя
Никто не пробудитъ „его“.

* * *

Не видно цвѣтовъ на могилѣ,
Посаженныхъ милой рукой,
И спитъ онъ спокойно донынѣ
Покрытый холодной землей.

„Галочка“.

ЛИЧНОСТЬ ЛЕРМОНТОВА.

(Продолженіе).

Какое впечатлѣніе онъ вынесъ изъ окружающей жизни? Какого человѣка изъ него создала эта жизнь?

Жизнь создала изъ него очень несчастнаго человѣка. Споры бабушки съ отцемъ кому жить съ Лермонтовымъ, кому онъ долженъ принадлежать, дурно отразились на немъ. По уговору онъ долженъ былъ до 16 лѣтъ воспитываться у бабушки, а послѣ этого долженъ самъ выбрать между ними: отца ~~или бабушку. Ему тя-~~ жело было переносить этотъ сюръ. Онъ видѣлъ мученія отца и искренно жалѣлъ

его, но въ то же время видѣлъ, что уйдя къ отцу онъ убьетъ бабушку, которая страстно его любитъ; кромѣ того уйдя отъ бабушки онъ окажется неблагодарнымъ. Поэтому онъ остается у ней, а потомъ когда отецъ умираетъ, обвиняетъ себя въ его смерти.

„Ужасная судьба отца и сына--
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина.
Но ты свершилъ свой подвигъ мой отецъ;
Постигнутъ ты желанною кончиной,
Дай Богъ, чтобы, какъ твой спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной.
Но ты простишь мнѣ! я-ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный отъ самой колыбели,
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?
Однако-жъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ.
Хоть оба стали жертвою страданья!“

Такая юность, которая не дала ему любви и спокойствія, а доставила только много печальныхъ думъ, душевный разладъ, сдѣлала его лишнимъ человѣкомъ.

„Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя поконецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя,
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ.
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена
Дочь смерти—смерть ей суждена“.

Воспитаніе не подготовило его къ жизни, не дало ему понятія въ чемъ заключается истинная жизнь, гдѣ ея настоящее значеніе, въ чемъ ея смыслъ. Не понимая жизни, онъ хочетъ жить, онъ любитъ ее страстно. Со всею силой своего характера онъ принимается жить тою жизнью, какою живутъ всѣ, и жизнь эта--сплошная ошибка. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы необъятныя и не сумѣлъ эти силы примѣнить; онъ потратилъ ихъ попусту, ведя пустую свѣтскую жизнь со всѣми ея низкими и пустыми интригами. Но даже и въ этой пустой жизни онъ выдѣлялся силой своихъ поступковъ, своей удалью, а иногда и дерзостью, на которую въ его время смотрѣли, какъ на достоинство молодого человѣка. Лермонтовъ поступаетъ въ гусарскую школу, гдѣ сходится съ удалыми товарищами, проводитъ все свое время въ пріятельскихъ попойкахъ и шалостяхъ, въ которыхъ онъ всегда былъ впереди, о чемъ свидѣтельствуютъ „Петергофскій праздникъ“, „Уланша“ и др.

Но неужели его удовлетворяла эта жизнь, неужели онъ сжился, сроднился съ своими товарищами? Нѣтъ, его не могла удовлетворить такая жизнь, онъ не былъ въ ней своимъ человѣкомъ, онъ и тутъ остался одинокъ, наединѣ со своими чувствами и мыслями. Окружающая его жизнь захватила его только съ внѣшней стороны, душой онъ ей не принадлежалъ. Въ ней онъ дѣлалъ только тѣ глупости, которыя дѣлали всѣ молодые люди его круга, и глупости эти онъ дѣлалъ бурно, съ необыкновенной силой, выдѣляясь этимъ среди своихъ товарищей. Въ сущности же онъ презиралъ эту жизнь, презиралъ людей, которыми былъ окруженъ, и даже презиралъ себя

за то, что велъ эту пустую жизнь. Жилъ онъ двумя жизнями: одна - это жизнь въ обществѣ, а другая жизнь внутри себя, жизнь человѣка любящаго, нѣжнаго съ одной стороны, бурнаго, страстнаго—съ другой. Онъ стоялъ выше той пустой безсмысленной жизни, гдѣ

„Изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей“,

гдѣ и ненавидятъ и любятъ случайно. „ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви, и царствуетъ въ душѣ какой то холодъ тайный, когда огонь кипитъ въ крови“. Онъ глубоко презиралъ и ненавидѣлъ жизнь.

„Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей,
Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена,
Воспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна“,
„Гдѣ носитъ все печать проклятья,
Гдѣ полны ядомъ всѣ объятья,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ“.

Съ головой окунувшись въ жизнь, дѣлая безчисленное множество глупостей, онъ мстилъ этимъ обществу.

Такъ и Печоринъ, который есть сколокъ Лермонтовскаго характера,- въ лицѣ котораго Лермонтовъ представилъ тѣ переживанія, подъ вліяніемъ которыхъ находился въ ту минуту, когда писалъ „Героя нашего времени“—ведетъ такую же безсмысленную жизнь и, будучи выше окружающихъ его людей, повторяя ихъ глупости и даже превосходя ихъ этимъ иногда, играя сердцами бездушныхъ красавицъ, какъ мечомъ, мстилъ обществу.

Но у Лермонтова вырывается и открытое негодованіе противъ общества. Въ то время, какъ

„пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей,
Приличьемъ стянутыя маски“
„О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью“.

Какимъ чистымъ, благороднымъ негодованіемъ дышетъ стихотвореніе „На смерть Пушкина“, въ которомъ онъ возмущаясь участью своего великаго учителя, погибшаго съ „глубокой жаждой мщенья, съ досадою обманутыхъ надеждъ“, говоритъ своему поколѣнію:

„А вы, надменные потомки,
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!

Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій Судъ, наперстники разврата,
Есть грозный Судія, Онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла Онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Этимъ прекраснымъ стихотвореньемъ авторъ мститъ за раннюю смерть своего великаго предшественника. И онъ правъ, клеймя презрѣньемъ эту бездушную свѣтскую толпу, „которая счастлива и въ грязи". Да, общество, въ которомъ онъ вращался, жило въ грязи и было счастливо, а онъ, поэтъ всю свою жизнь искалъ лучшаго въ людяхъ, до конца хотѣлъ ихъ любить. Но что онъ вынесъ изъ жизни, которая подсказала ему слѣдующій выводъ:

„И скучно и грустно и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вѣчно желать!
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!
Любить!.. Но кого же? На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь? тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти!—вѣдь рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка..."

Лермонтовъ рано понялъ это; рано узналъ свѣтъ и людей; такъ онъ говоритъ о себѣ въ драмѣ „странный человѣкъ словами Юрія: „Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнать сердце человѣческое, какъ творенье человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей". Онъ рано началъ жизнь, не получивъ къ ней должной подготовки, онъ, какъ „плодъ до времени созрѣлый, ни вкуса нашего не радуя ни взглядъ, виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый, и часъ ихъ красоты—его паденья часъ!" Имѣя богатую фантазію и незаурядный умъ, онъ еще ребенкомъ не получилъ должнаго направленія и, не подготовившись къ жизни, рано началъ жизнь и рано къ ней охладѣлъ „началъ рано, кончу рано". Его довременной созрѣлостью объясняется его одиночество. Онъ, какъ дубовый листокъ, одинъ въ пыли долженъ безъ пріюта и цѣли носиться по свѣту, онъ не пара свѣтлымъ чистымъ сынамъ высокой, стройной и гордой чинары, онъ лишній на свѣтѣ и одинъ долженъ коротать свою скучную и грустную жизнь, которая была ему тяжела. Лермонтовъ подумывалъ даже о смерти.

„Настанетъ день и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,

На мѣстѣ казни—гордый, хоть презрѣнный.
Я кончу жизнь мою", или въ другомъ стихотвореніи:
„Что толку жить!... Безъ приключеній
И съ приключеньями тоска
Вездѣ, какъ безпокойный геній,
Какъ вѣрная жена, близка!
Прекрасно съ шумной быть толпою,
Сидѣть за каменной стѣною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтобъ разъ объ этомъ поболтать,
Невольно указать повсюду—
Подъ гордой важностью лица
Въ мужчинѣ глупаго льстеца
И въ каждой женщинѣ—Іуду.
А потрудитесь разсмотрѣть,—
Все веселѣе умереть".

Въ смерти онъ видитъ покой, въ которомъ онъ нуждается; онъ усталъ отъ пустоты жизни, ему нужно забыться. Но какъ онъ хочетъ забыться, какъ онъ хочетъ отдыхать? онъ самъ даетъ на это отвѣтъ, какого покоя онъ ищетъ:

„Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя;
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я-бъ желалъ на вѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ дыша вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день, мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ".

Онъ не хочетъ полной смерти, а только забытья. Но получилъ ли онъ его? Нѣтъ, его жизнь сплошная борьба безъ покоя и отдыха „все въ жизни есть, забвенья только нѣтъ", да въ чемъ онъ и искалъ покой, гдѣ онъ хотѣлъ отдыхать? Въ вѣчной бурѣ, въ вѣчной борьбѣ и стремленьи онъ искалъ покоя:

„А онъ мятежный ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой".

Вся жизнь его отравлена одиночествомъ и презрѣніемъ къ людямъ, вся жизнь его сплошная борьба съ мѣщанствомъ жизни, негодованіе противъ него. Во имя чего же негодуетъ Лермонтовъ? Во имя человѣческой личности; ведя борьбу съ мѣщанствомъ жизни, онъ все больше углублялся въ индивидуализмъ человѣка. Онъ негодуетъ противъ притѣсненія правъ личности, требуя, чтобы человѣческой личности была предоставлена полная свобода развитія, чтобы были порваны тѣ цѣпи, которыя мѣщанство наложило на человѣка. Онъ видитъ вредъ въ цивилизаціи и, по своему, правъ: цивилизація, которая воспитала его, во всемъ стѣсняла развитіе личности, она сковывала человѣка, лишала свободы дѣйствій, и онъ терялъ свою независимость, дѣлаясь рабомъ цивилизаціи. Понятно, что Лермонтовъ не удовлетворялся людьми, окружающими его, онъ не находилъ среди нихъ—этихъ рабовъ цивилизаціи—людей съ широкой

развитой натурой, не стѣсненной никакими законами, кромѣ естественныхъ законовъ; понятно также и то, что взоры Лермонтова обращались къ дикимъ племенамъ горцевъ или углублялись въ русскую сѣдую старину, гдѣ онъ находилъ непосредственныхъ натуръ, не скованныхъ рабскими цѣпями культурной жизни. Но такихъ непосредственныхъ натуръ, какъ Бэла, Максимъ Максимычъ, горцы, нельзя назвать идеаломъ поэта, нѣтъ! эти люди, руководящіеся только законами природы и еще незнакомые съ законами цивилизованной жизни, не могли вполнѣ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя онъ предъявлялъ къ людямъ, но они больше походили на чистыхъ, свободныхъ и гордыхъ людей, которыхъ Лермонтовъ искалъ и не находилъ. Итакъ его жизнь была вся—стремленіе впередъ къ какому-то туманному, но прекрасному возвышенно-чистому идеалу. И герои всѣхъ его произведеній также неудержимо стремятся къ этому далекому идеалу, ведутъ сильную борьбу съ окружающей ихъ жизнью. У его героевъ такъ же, какъ и у него самого, видно неудержимое стремленіе къ простой жизни, не стѣсненной узкими рамками цивилизаціи, они—его герои задыхаются среди цивилизаціи, въ тинѣ тихой, размѣренной и расчитанной жизни, они презираютъ ее и стремятся къ бурной жизни наединѣ съ природой. Такъ, Мцыри бѣжитъ отъ презрѣнныхъ монаховъ, которые спасли его отъ смерти, бѣжитъ въ лѣсъ и горы и только тамъ наслаждается жизнью. Только пребываніе на волѣ, среди природы Мцыри, называетъ жизнью, только три дня его скитаній по горамъ и заполняютъ всю его жизнь, остальная же его жизнь—вѣчныя, медленныя мученія, тоска по свободѣ и природѣ.

Измаилъ Бей бѣжитъ отъ цивилизаціи на родину, въ родныя горы, къ дикимъ непосредственнымъ людямъ, жизнь которыхъ тѣсно связана съ природой.

Всѣ Лермонтовскіе герои—люди сильные, обладающіе глубокой, мощной натурой, они дѣйствительные герои которые стремятся дерзать и владѣть.

И во всѣхъ нихъ есть какая то сила непонятная, которая неудержимо влечетъ къ нимъ, даже сами ихъ пороки прекрасны, они привлекаютъ къ себѣ тѣмъ, что выходятъ изъ ряда посредственности. Потоки ихъ вытекаютъ изъ глубокой колоссальной ненависти и презрѣнія къ жизни и людямъ, изъ того недюжиннаго немелкаго эгоизма, которымъ обладалъ и самъ Лермонтовъ. Характеры героевъ такъ разобраны, такими яркими красками очерчены, такъ прекрасно выведены всѣ изгибы ихъ сильной души, что могъ содѣлать только такой сильный художественный талантъ, каковъ былъ Лермонтовъ, печать котораго, духъ котораго положены въ изображеніи каждой мелкой черты этихъ характеровъ. Демоническій характеръ поэта передался и всѣмъ его героямъ, которые представляютъ изъ себя въ сущности эволюцію одного типа—властнаго, гордаго человѣка, презирающаго землю съ ея обитателями, связанными узами цивилизаціи.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

N. O.

ЛЬДИНКА (ФАНТАЗІЯ).

На сѣверѣ среди метелей и вьюгъ величественно возвышается ледяной замокъ. Когда наступаетъ ночь, и на небѣ появляются миріарды яркихъ звѣздъ, а луна спокойно свѣтитъ своимъ фантастичнымъ свѣтомъ, замокъ блеститъ ярко, красиво. Налетитъ сѣверикъ, поднимется метель, закружится снѣгъ въ воздухѣ, закружится и вокругъ ледяного замка, и тогда замокъ, словно сѣдой дѣдушка, какъ то опустится, покроется косматой снѣжной бородой. Но какъ ве-

ликолѣпенъ онъ въ сѣверное сіяніе, ненайдется ни художника, ни красокъ, которые бы смогли описать эту сверхъестественную красоту.

Въ замкѣ томъ нѣкогда жилъ морозъ-воевода со своей красавицей дочкой—Льдинкой. Холодная величественная, неприступная была Льдинка. Одного ея взгляда боялись всѣ въ замкѣ. Строгій былъ этотъ взглядъ, но такой глубокій и пристальный, что казалось, онъ проникалъ въ самую глубину сердца, узнавалъ всѣ скрытыя тайны души.

Мраченъ старый воевода. Невеселая дума смущаетъ его умъ. Заявила ему Льдинка, что наскучило ей жить въ ледяномъ царствѣ, что пойдетъ искать она счастья на землѣ. Заставило задуматься это рѣшеніе воеводу, знаетъ онъ, что не задумается Льдинка его исполнить. Какъ мрачная ночь, ходитъ воевода по замку, а Льдинка и не думаетъ о его горѣ. Душа ея проситъ свободы, простора, хочется увидѣть ясное солнышко, взглянуть на сине-голубое небо, увидать людей, столкнуться съ самой жизнью. И она ушла, оставила ледяное царство, оставила старика отца съ его мучительной тоской по милой дочери.

Зимній вечеръ. Глухо стонетъ вьюга за окномъ, стонетъ и рыдаетъ и въ окно стучитъ костлявою рукой. Тѣнью проскользнула Льдинка въ комнату мечтателя. Вотъ онъ видитъ ея глаза большіе, сѣрые, холодные. Онъ словно застылъ, очарованный прелестнымъ видѣніемъ. Но это—лишь мгновенье, и Льдинка исчезаетъ отъ него, скользитъ между людьми, иному дохнетъ въ лицо своимъ ледянымъ дыханіемъ, иного манитъ въ невѣдомую даль, другого чаруетъ своимъ взглядомъ и всюду оставляетъ за собой однѣ только мечты о смутномъ, непонятномъ, красивомъ.

Прошла зима. По прежнему скользитъ тѣнь Льдинки между людьми, каждый день видитъ она голубое небо, ясное солнышко, слышитъ рѣчь людей, но не манитъ ее уже ихъ жизнь. И грустно становится ей при мысли, что насколько природа красива, настолько жизнь людей уродлива.

Повсюду видитъ она зло, слышитъ стоны „Сами они виноваты—забывая законы бытія“ твердитъ она, проносясь легкимъ облачкомъ надъ міромъ.

И снова манитъ ее куда-то въ невѣдомую даль, къ голубому небу. Вотъ она подымается все выше и выше—все сильнѣе и сильнѣе жгутъ ее лучи солнца, но невидимая сила несетъ ее дальше, и она таетъ, расплывается и исчезаетъ легкой дымкой въ свѣжемъ прозрачномъ воздухѣ.

„Сѣверикъ“.

Подругѣ дѣтства.

Предо мной мелькнулъ лучъ прошлаго, былого...
Лучъ дѣтства милаго, воспоминанія будя.
Мнѣ вспомнилась подруга дѣтства золотого
Живая, свѣтлая и милая душа.

Мнѣ вспомнился тотъ садъ зеленый и тѣнистый,
Въ которомъ часто мы сидѣли съ ней вдвоемъ;
Мы наслаждались запахомъ цвѣтовъ душистыхъ
И ландышей прозрачнымъ серебромъ.

Ты помнишь ли бесѣдку голубую
Со старой крышей, межъ акацій и березъ
Зелёнымъ плющемъ такъ красиво увитую
Сирени блескомъ чистыхъ слезъ?...

То было время мирное, иное,
Когда всё было тихо и свѣтло,
Такъ протекало наше дѣтство золотое,
Воспоминаніе оставя лишь одно...

Теперь не то. Война своимъ покровомъ
Весь міръ обширный обняла,
И жизнь въ своёмъ движеньи новомъ
Тревожно, бурно потекла.

И юность наша ужъ не мирная, иная,
Не то, что дѣтства милаго струя,
И страшно мнѣ, и жутко, дорогая
И злоба въ сердцѣ на врага.

Геройская ужъ Бельгія разбита,
Ея король герой остался до конца,
И кровію ея земля залита,
И Польша бѣдная слезами улита!

Въ твоихъ глазахъ горитъ огонь отмщенья,
Я вѣрю: ты со мной всегда
Однихъ съ тобою убѣжденій:
Прогонитъ Русь безчестнаго врага!..

„Ассэнга“.

НЕРОНЪ.

(Продолженіе).

Ничто не мѣшало Нерону учиться житейской мудрости на практикѣ, присматриваясь къ дѣйствіямъ окружающихъ и стараясь усвоить себѣ личныя ихъ правила. На первыхъ порахъ Неронъ сталъ проявлять себя въ отношеніяхъ къ Британнику, котораго онъ ненавидѣлъ. Самъ Британникъ высказывалъ ему явное недоброжелательство и презрѣніе, видя, какъ Неронъ постепенно занимаетъ его мѣсто, видя, какъ ему приходится стушевываться передъ восхваляемой личностью своднаго брата. Британникъ былъ не бездаренъ, онъ могъ хорошо пѣть и говорить, а этого было вполнѣ достаточно, чтобъ возбудить глухое недовольсво и зависть въ Неронѣ, что позднѣе перешло въ открытую ненависть. Агриппина, какъ злой геній, разжигала эту непріязнь и сообща съ сыномъ отравила Британика. Это было первое преступленіе Нерона и, какъ ни возмутительно, въ этомъ помогала ему родная мать. Съ этого времени наступаетъ новая эпоха жизни Нерона, контуры его личности выступаютъ яснѣе и правильнѣе. Клавдій умеръ. Какъ безславно жилъ этотъ человѣкъ, такъ же и кончилъ онъ свою жизнь, не оставивъ по себѣ ничьей жалости, кромѣ какъ заглушеннаго стра-

хомъ возмущенія (если оно было) наглому злодѣйству... Агриппина заранѣе сумѣла такъ ловко обставить дѣло, что Неронъ, поддержанный преторьянцами, скоро вступилъ на тронъ цезарей. Можно бы думать, что теперь онъ станетъ самостоятельнымъ, но этого не случилось: верховная власть перешла, или, вѣрнѣе, осталась въ рукахъ Агриппины, которая по своему вкусу выбрала себѣ помощниковъ; самъ же Неронъ предался своимъ артистическимъ стремленіямъ. На первыхъ порахъ онъ пытался было составить о себѣ хорошее мнѣніе въ глазахъ народа, давая ему разныя льготы и снисхожденія, но потомъ забылъ и объ этомъ. Однако ему удалось, незамѣтно для себя самого, заслужить общую популярность своими празднествами: стали даваться новыя представленія, невиданныя зрѣлища, въ которыхъ самъ Неронъ принималъ живѣйшее участіе. Какъ въ обществѣ римской той эпохи замѣчается извращеніе нравовъ вообще, переворотъ старыхъ, установившихся обычаевъ наизнанку, такъ Неронъ съ большою легкостью обратилъ роль и значеніе цезаря въ роль простого театральнаго артиста. Эта страсть пустила въ немъ глубокіе корни, она объяла все его существо, и для удовлетворенія ея Неронъ былъ готовъ жертвовать всѣми римскими обычаями и привычками. Не обращая вниманіе на общественное мнѣніе, Неронъ, первый изъ цезарей выступилъ на театральныхъ подмосткахъ. Чисто эстетическое стремленіе смѣшивалось въ данномъ случаѣ съ исканіемъ славы и почестей, Неронъ жаждалъ аплодисментовъ. Пораженные римляне не столько отъ истиннаго восторга (его не могли возбудить посредственныя способности Нерона), сколько изъ лести и рабской угодливости дружно привѣтствовали новаго, великаго артиста, осыпая его похвалами и восторженными кликами. Неронъ удовлетворенъ; съ этой минуты увѣренность въ собственномъ талантѣ укрѣпляется въ немъ окончательно, и онъ все больше и больше погружается въ сознаніе собственнаго артистическаго значенія. Артистъ ли онъ—подлежитъ сомнѣнію, т. к. способности его ограниченныя, но натура Нерона во всякомъ случаѣ артистическая, и склонность къ эстетикѣ у него были велика. Часто Неронъ выступалъ съ другими артистами и такъ же, какъ они, дрожалъ за свою участь, за свой успѣхъ. Въ этихъ случаяхъ онъ становился подозрительнымъ до крайности и горе тѣмъ, кто замѣтитъ его ошибку. Зависть къ коллегамъ всегда жила въ Неронѣ и онъ приходилъ въ ярость, увидя себѣ соперника; часто онъ нарочно сбивалъ пѣвца, чтобы превзойти его, часто даже убивалъ. Увлекаясь фальшивой славой и мишурой собственнаго величія, Неронъ изощрялъ свой вкусъ во многихъ роляхъ, которыя въ достойной степени унизили его, не только какъ цезаря, но и какъ человѣка. Успѣвъ надоѣсть римлянамъ, онъ рѣшилъ показать свой талантъ въ Греціи, этой странѣ искусствъ, говоря, что „лишь греки имѣютъ образованный слухъ, и одни они достойны слушать великаго пѣвца“. Въ 66-мъ году отправился онъ въ Грецію и пробылъ тамъ годъ. Какъ цезаря его вездѣ принимали съ почетомъ и внѣшней радостью. Въ это время онъ могъ пресытиться своими успѣхами: всюду ему присуждались вѣнки побѣдителя, когда даже, по справедливости онъ и не заслуживалъ, всюду его прославляли, восторгались имъ. И греки смогли унизиться до этого, смогли превозносить бездарность, когда на ихъ глазахъ прошло столько по истинѣ великихъ талантовъ... Но надо знать, какъ самъ Неронъ добивался похвалы грековъ, которыхъ онъ считалъ серьезными цѣнителями искусства, съ какимъ страхомъ, недовѣріемъ къ себѣ и мольбой ждалъ онъ общаго рѣшенія! И велика была его радость, когда онъ дождался дружныхъ аплодисментовъ, когда носители святого искусства обращали къ нему свои восторженныя улыбки.... Этотъ сплошной праздникъ долженъ былъ прерваться по неотложнымъ (даже для Нерона) государственнымъ дѣламъ, и греки съ честью проводили высокаго гостя, осчастлививнаго ихъ своимъ довѣріемъ и благосклонностью, довольные, что услышали его божественный голосъ. Одни Аѳины составляли исключеніе изъ хора общаго восторга. Возвращеніе Нерона въ Римъ было возвращеніемъ тріумвира. Колес-

ница его была въ цвѣтахъ и вѣнкахъ. сзади везлись десятки побѣдоносныхъ знаковъ, лошади были покрыты пурпурными одѣяніями, народъ бѣжалъ громадной толпой и привѣтствовалъ прославленнаго артиста восторженными криками: „Да здравствуетъ побѣдитель на олимпійскихъ и пиѳійскихъ играхъ! Слава нашему Геркулесу, слава нашему Аполлону! Священны намъ звуки его голоса, и счастливъ тотъ, кто внималъ имъ своимъ собственнымъ слухомъ!" Публичное гаэрство облеклось въ глазахъ народа священнымъ характеромъ, было великое всемірное позорище, на которомъ всѣ страны цивилизованнаго міра любовались жалкой комедіей и готовы были рукоплескать якобы любимому артисту при малѣйшемъ его движеніи на сценѣ. Было отъ чего вскружиться и болѣе скромной головѣ. Пресытившись испытанными ощущеніями, Неронъ хотѣлъ теперь лишь чрезвычайнаго. Ему приходитъ въ голову перекопать Коринѳскій перешеекъ, и онъ начинаетъ колоссальныя работы. которыя, однако, не были кончены: ему мерещилась слава великаго полководца и, желая быть Александромъ Македонскимъ, онъ собирался предпринимать военныя дѣйствія.

Историкъ говоритъ, что „великіе образцы не выходили у него изъ головы, его манила поэтическая слава, онъ хотѣлъ воспѣвать великія и страшныя катастрофы, поражающія воображеніе". Къ этому его настроенію подошелъ пожаръ Рима: неизвѣстно, самъ ли Неронъ заставилъ поджечь городъ, или это лишь подозрѣніе, но подозрѣніе близкое къ истинѣ: онъ, не любя Рима, могъ допустить поджегъ для исполненія своего желанія, не думая, какъ эгоистъ, о несчастіяхъ, сопряженныхъ съ этимъ пожаромъ. Онъ желалъ видѣть живое подобіе разрушенія Трои, и это желаніе въ немъ было такъ сильно, что заботы о другихъ людяхъ отходили далеко на задній планъ. Съ другой стороны, пожаръ могъ быть дѣломъ случая, и тогда Неронъ могъ лишь выразить свои мысли и ощущенія по этому поводу. Пылающій громадный городъ, съ черными клубами дыма, сквозь которые прорывалось и просвѣчивалось зарево пожара—дѣйствительно картина въ Нероновскомъ духѣ, поражающая своей грандіозностью и силой впечатлѣнія. Что долженъ былъ испытать Неронъ, видя исполненіе своей завѣтной мечты, переживая чувства эстетика и любителя сильныхъ ощущеній! „Странная эстетика", можно подумать. Да, но вполнѣ понятная. Смотря на пожаръ Рима, Неронъ думалъ лишь о томъ, что онъ видѣлъ, но не о послѣдствіяхъ для жителей; переживанія этихъ минутъ были быть-можетъ одними изъ самыхъ лучшихъ въ его жизни. Это событіе поразило его не трагическою своей стороной, но такъ сказать живописною, и онъ воспѣлъ несчастіе Рима, которое видѣлъ своими глазами. Говорятъ, что онъ хотѣлъ построить новый Римъ, по собственному вкусу; онъ надѣялся на свои силы создать нѣчто новое въ искусствѣ, сдѣлать Римъ еще больше и красивѣе чѣмъ онъ есть—въ этомъ опять-таки видна его самонадѣянность, какъ артиста, старая его черта. Говоря о жизни Нерона-артиста, нельзя умолчать объ обратной сторонѣ этой жизни: книга дѣлъ Нерона постоянно развернута на двѣ страницы. Увлеченіе театромъ не мѣшало заниматься ему дѣлами чисто житейскаго, такъ сказать, характера; въ немъ проявлялся вмѣстѣ съ артистомъ деспотъ, злодѣй. Обстоятельства впервые вооружили Нерона противъ людей,—какъ бы давая ему право убивать и преслѣдовать ихъ—это заговоръ Пизона. Пизонъ и его сообщники покушались не только на право цезаря, но и на его жизнь; однако дѣло свое они повели очень неумѣло и неосторожно, благодаря чему заговоръ (да и принесъ ли бы онъ пользу?) былъ открытъ. Неронъ сильно струсилъ, узнавъ о возстаніи противъ него, и спрятался за спины приближенныхъ, предоставляя имъ право разбирать дѣло; самъ онъ не находилъ въ себѣ нужной къ тому энергіи и силы характера; уже когда все выяснилось и преступники были найдены, онъ выступилъ въ роли карателя. Побѣда эта далась ему легко, благодаря недальновидности и слабости противниковъ; она укрѣпила его духъ, сдѣлала его болѣе смѣлымъ (быть мо-

жетъ до новаго возстанія) и увѣреннымъ. Уличенные были наказаны безпощадно, пострадало много невинныхъ, непричастныхъ къ дѣлу, но пользовавшихся личной антипатіей цезаря. Были люди, не одобрявшіе его образъ дѣйствій, которые явно показывали это своимъ молчаніемъ въ общемъ восторгѣ—къ такимъ людямъ принадлежалъ Сенека. Этотъ человѣкъ, какъ воспитатель имѣлъ громадное значеніе для Нерона; онъ сдерживалъ выходки своего прежняго ученика, какъ бы связывалъ его руки. Въ то время, когда Неронъ хотѣлъ расправить свои крылья, Сенека своимъ наблюдающимъ окомъ сдерживалъ его, мѣшалъ его простору; между тѣмъ Неронъ стремился къ свободѣ,—онъ хотѣлъ не власти, онъ хотѣлъ свободы личности, свободы дѣйствій, и всякое стѣсненіе было ему непріятно. Что Сенека, пріучая Нерона придавать значеніе только внѣшнему, не вселилъ въ душу своего воспитанника и любви къ себѣ—это безусловно; такимъ образомъ Неронъ не имѣлъ нравственной силы, которая останавливала бы его на пути къ задуманной цѣли. А цѣль была очень проста: ловкимъ ударомъ порвать связывающія его узы, средства же не затрудняли—стоило только заговорщикамъ Пизона сказать слово клеветы, и Сенека былъ объявленъ государственнымъ преступникомъ. Дѣйствительно, какъ просто? Резолюція, объявленная Сенекѣ была—„умереть немедленно"; таково свойство нетерпѣливой натуры цезаря. Сенека не протестовалъ; онъ сумѣлъ умереть благородно, достойно, стойко. Это избавленіе произошло безъ затрудненій для Нерона; какъ прежде Сенека не выступалъ открыто противъ его поступковъ, такъ и теперь не выказывалъ безполезнаго протеста. Итакъ, Неронъ былъ теперь относительно свободенъ; оковы, связывавшіе его дѣйствія, упали, и онъ могъ свободно предаться самому себѣ, не опасаясь наблюдающаго и критикующаго взора. И онъ окунулся въ пучину разврата, запятналъ себя многими недостойными дѣлами, доказавшими порочность его натуры. Всѣ пороки того времени, вся та безнравственность, которой страдало римское общество—все это соединилось въ личности императора Нерона, этого „генія разврата"... Предаваясь излишествамъ, Неронъ не переставалъ чувствоватя какого-то замѣшательства; не то, чтобъ въ немъ говорила совѣсть, но его робкую душу смущала мысль о близкомъ присутствіи непреложной воли, которая все видѣла и все знала. Такой волей была его мать, съ которой онъ былъ связанъ чувствомъ страха, и никогда не могъ сгладить на себѣ самомъ слѣды тѣхъ узъ, въ которыхъ она держала его съ самой юности. Его мысли сочувствовала будущая жена его, Поппея Сабина, ненавидящая Агриппину всею силой души, т. к. та мѣшала ея сближенію съ Нерономъ. Поппея имѣла безусловное вліяніе на Нерона; она чаровала его своей красотой, своей врожденной граціей и изяществомъ, и если Неронъ любилъ кого-нибудь, то лишь ее. Властная Агриппина начинала терять свое значеніе по мѣрѣ того, какъ Неронъ выросталъ, но ея твердая, непреклонная натура долго боролась съ своимъ паденіемъ; однако ея время уже кончилось, пора было уступить свое мѣсто. Но нужно было видѣть, съ какой живучестью, съ какой страстью за власть боролась эта удивительная женщина, падая, поднимаясь и снова падая! она готова была на всѣ преступленія, на всѣ жертвы, чтобъ только отстоять свое значеніе! Неронъ велъ борьбу осторожно и хитро. Мало по малу онъ отстранилъ Агриппину отъ дѣлъ, и когда Агриппина показывала признаки недовольства, желая дѣйствовать, Неронъ задумалъ покончить разомъ... Однако ему пришлось долго вести эту борьбу, борьбу жестокую, упорную и чудовищную по своему значенію: мать и сынъ становились чужими, больше того—смертельными врагами, съ свирѣпостью звѣря слѣдящими за дѣйствіями другъ друга. Возможно ли подобное извращеніе человѣческой натуры?... Потерпѣвъ неудачу въ своихъ цѣляхъ окольными путями, Неронъ сумѣлъ обвинить мать въ дѣйствіяхъ противъ него—цезаря и приказалъ ее убить, пока дѣло не получило огласки. Дѣло кончено... руки развязаны... Но что мѣшаетъ свободному орлу расправить связанныя до сихъ поръ крылья? Ужасъ передъ неслыханнымъ

злодѣйствомъ охватываетъ Нерона, и много времени проводитъ онъ въ уединеніи, въ мучительной борьбѣ съ самимъ собой... То борьба его съ матерью—было игрой фигляра, теперь же встали послѣдствія этой игры. Но можно ли забыться до такой степени, чтобъ не предвидѣть конца?.. Но, наконецъ, онъ приходитъ въ себя, и его жизнь снова течетъ кровавымъ потокомъ; теперь уже всѣ послѣдующія злодѣйства ничто въ сравненіи съ совершеннымъ—преступнѣе этого что можетъ быть?... Поппея удовлетворена: она стала женой цезаря; Октавія уже не существуетъ, она пала одной изъ безчисленныхъ жертвъ Нерона, оставивъ по себѣ слѣдъ своей невинности и чистоты. Даже любимая Нерономъ Поппея не была гарантирована отъ его жестокости, скоро сказалось это: когда возмущенная Поппея стала упрекать мужа въ его поведеніи, онъ смертельно ранилъ молодую женщину. Смерть Поппеи произвела въ Неронѣ большое потрясеніе, отъ котораго черный слѣдъ идетъ потомъ черезъ долгій рядъ его дѣйствій. Потрясеніе это подѣйствовало на него, какъ укусъ бѣшенаго животнаго, и съ этой поры начинается новая эпоха казней. Неронъ бросается на всѣхъ, кто такъ или иначе обратитъ на себя его вниманіе; единственное спасеніе было въ безвѣстности. Сколько было пролито крови, убито невинныхъ жертвъ. Достаточно было нелѣпаго обвиненія, чтобъ безславно кончить свою жизнь; смерть была благодѣяніемъ, жизнь казалась преступленіемъ. Жизнь человѣка цѣнилась дешево; замѣчалось страшное безразличіе между жизнью и смертью. Жуткій образъ цезаря -чудовища всталъ во весь ростъ. И всѣ эти свои дѣянія Неронъ совершалъ во время своей артистической дѣятельности, преступникъ и артистъ смѣшивались въ немъ до чрезвычайности; часто успѣхъ театральный влекъ за собой ужасы убійствъ и, рукоплеща цезарю, римляне какъ бы вызывали на себя смерть и несчастія. Но, всему бываетъ предѣлъ. Безумство деспота должно было кончиться; онъ надоѣлъ, онъ палъ. Не стало больше авторитета, поддерживаемаго низкимъ рабскимъ страхомъ; какъ дымъ, разсѣялись его власть, величіе и могущество. Къ этому времени подошли чисто историческія обстоятельства: Испанія возстала, и императоромъ Рима былъ провозглашенъ Гальба; войско подступало къ городу. Неронъ понялъ, что его роль кончена, и его охватилъ смертельный страхъ за себя, за собственную жизнь; онъ растерялся и, ничтожный въ своей безпомощности, не зналъ, что дѣлать. Власть пала—это ясно, враги идутъ... а силы нѣтъ сильнымъ ударомъ оборвать свою безславную жизнь... Послѣднимъ другомъ оказался отпущенникъ Фаонъ, оказавшій слабой рукѣ цезаря послѣднюю услугу. Но и умирая, Неронъ твердилъ стихи любимыхъ имъ поэтовъ и передъ неизбѣжностью смерти твердилъ: „Какой талантъ гибнетъ во мнѣ! какого великаго артиста теряетъ Римъ!“ Артистъ пережилъ въ немъ человѣка; убѣжденный въ своемъ талантѣ, онъ не могъ почувствовать мишуры собственнаго величія. При всемъ томъ нельзя отрицать, что натура Нерона была артистическая; ей было дано ложное направленіе, благодаря чему въ немъ развилось стремленіе къ внѣшнему имъ успѣху и славѣ, и явилось самомнѣніе и самовозвеличеніе. Таланта безусловно не было, но стремленіе къ красотѣ жило въ Неронѣ. Фактъ же смѣшенія артистическихъ наклонностей съ инстинктами кровожаднаго звѣря заставляетъ удивляться. Причину этого надо искать въ общественномъ строѣ того времени, въ его нравахъ и жизни. Неронъ больше чѣмъ кто-либо является человѣкомъ своего времени, и если онъ превзошелъ современниковъ, то этому способствовала та обстановка, среди которой онъ выросъ и жилъ. Съ одной стороны природныя склонности имѣли, быть можетъ, значеніе, съ другой—развитіе ихъ условія всей жизни, все вмѣстѣ взятое создало образъ Нерона.

Утопленникъ.

Тетенька тетенька Агаѳья, Петька то утонулъ! воскликнули два мальчика лѣтъ восьми, подбѣгая къ женщинѣ, стиравшей на улицѣ бѣлье.

Чо врете пострѣлята—сердито накинулась на нихъ женщина, но лицо ея выразило неподдѣльный страхъ. Увидя же испуганныя лица мальчиковъ, Агаѳья поняла, что они не врутъ, и съ страшнымъ крикомъ бросилась по заводу. Вскорѣ уже весь заводъ зналъ о случившемся. Мужики, бабы и ребятишки бѣжали къ мостику, гдѣ случилось несчастье. Мальчики, товарищи утонувшаго, перебивая другъ друга, разсказывали о томъ, какъ утонулъ Петька.

— Акъ вотъ, дяденька, сижу это я съ нимъ рядомъ, а онъ какъ вдругъ....

Чо ты брешешь, я съ нимъ рядомъ сидѣлъ; ты правду говори, а не ври.

— Молчи. Акъ вотъ онъ какъ соскочитъ да въ воду.

— Да да, дяденька, ажно насъ брызгами обдало.

Я, Ванька, разскажу, а ты не лѣзь!

Пошто ты, я самъ знаю. Ну акъ вотъ Петька то какъ вдругъ соскочитъ да въ воду подъ мостъ. Мы евто съ Сенькой въ заводъ да Агаѳьѣ и сказали, а она какъ взвоетъ.

На берегу, между тѣмъ, собралась огромная толпа. Всѣ кричали, совѣтовали другъ другу, но очень мало дѣлали. Среди общей суматохи кто то догадался позвать урядника. Урядникъ кричалъ размахивая руками: „Осади! не напирай! осади назадъ!“ Но его слышали очень мало. Его заглушалъ шумъ множества другихъ голосовъ.

Багоръ сюда давай!

Куды лѣзешь пострѣленокъ?

— Дяденька, тутока онъ упалъ, ишь банка те его съ червями.

Кошки сюда, лодку!

— Мостъ отъ разбирай, подъ мостомъ онъ!

— Петенька мой желанненькій. Наказала меня Пресвятая Богородица! причитала несчастная мать.

Вотъ онъ вотъ нащупалъ!

Багоръ сюда багоръ!

— Помогай братцы!

Да евто камень!

— Типунъ те на языкъ! Онъ ето онъ. Багоръ сюда давай!

Палку те не толкай!

Осади назадъ осади!

— Эвона мостъ-атъ какъ разобрали.

— Дяденька, а дяденька, кого это тутъ ищутъ? раздался вдругъ дѣтскій голосъ.

Мужикъ, котораго говорившій мальчикъ тянулъ за рукавъ, обернулся съ намѣреніемъ прогнать его, чтобы не мѣшался.

Но вдругъ онъ какъ будто окаменѣлъ. „Съ нами Крестная сила“, шептали его побѣлѣвшія губы. „Братцы, да Петька то вотъ“!, крикнулъ онъ не своимъ голосомъ. На минуту водворилось гробовое молчаніе. Но тотчасъ же все зашевелилось, заговорило. Бабы съ испуганными лицами крестились, приговаривая.

— Спаси Пресвятая Богородица, Микола Угодникъ!

Вотъ навожденіе Господне!

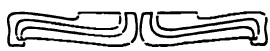
Два товарища Петьки смотрѣли на него, какъ на привидѣніе и отъ страха не могли сказать ни слова. Изъ словъ испуганнаго и ничего не понимавшаго Петьки можно было понять, что онъ, желая одурачить товарищей, нырнулъ подъ мостъ и, выплывъ въ другомъ мѣстѣ подальше, побѣжалъ къ отцу на фабрику, чтобы обсушиться. Когда всѣ узнали въ чемъ дѣло, то раздались разнообразные возгласы.

— Ишь озорникъ какой, розгой бы ему!

— Петенька, желанненькій, спасла тебя Богородица.

— Разойдись! разойдись! кричалъ уже охрипшій урядникъ.

К.



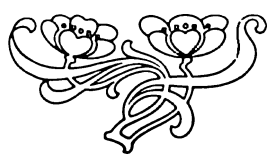
Добровольцы.

На улицахъ небольшого уѣзднаго городка М-ска царило необычайное тревожное оживленіе. Экипажи, деревенскіе коробки, телѣги, нарядныя коляски—все это двигалось въ одну сторону, сторону вокзала. Сегодня ѣдутъ всѣ добровольцы изъ города и его окрестностей. На вокзалѣ тоже очень шумно и весело. Кого, кого тутъ только нѣтъ? Вонъ въ сторонѣ сидитъ на скамейкѣ какой-то чернорабочій, возлѣ него сидитъ старушка мать. Глаза ея съ безнадежной тоской устремлены на сына, „Вернется ли"? шепчутъ ея губы, Тамъ въ сторонѣ сидятъ, должно-быть, два товарища. „Ну друже", говоритъ одинъ изъ нихъ: „Авось и вернешься". И эти слова сопровождаются странной какъ бы ободряющей улыбкой. Мимо нихъ проходятъ два господина. Одинъ изъ нихъ уже сѣдой съ умными голубыми глазами, смотритъ смѣло и прямо на все и на всѣхъ. Лицо его совершенно спокойно, хотя его опора, его надежда единственный двадцатилѣтній сынъ ѣдетъ добровольцемъ на войну. Во всемъ существѣ молодого человѣка видна непоколебимая суровая рѣшительность. „Отецъ". прерываетъ, наконецъ, долгое молчаніе молодой человѣкъ: „послушай, вѣдь ты, кажется, назначилъ какое-то дѣловое свиданіе, иди, а то, пожалуй запоздаешь". Сѣдыя брови старика недоумѣвающе приподнимаются. „Да, ты правъ, сейчасъ я занятъ, какъ некстати"! Вдругъ самъ себя прерываетъ старикъ. „Ну ничего не маленькій и безъ меня въ вагонъ сядешь. Прощай! Ахъ да, вотъ стариковская память, твоя мать, когда умирала, велѣла передать тебѣ въ случаѣ опасности, возьми". И онъ протянулъ сыну руку, въ которой лежало что-то тщательно завернутое въ бумагу. „Что это"? не безъ удивленія спросилъ молодой человѣкъ. „Не знаю" равнодушно отвѣтилъ старикъ „не смотрѣлъ не мнѣ вѣдь тебѣ". „Спасибо, ну прощай папа". Какая то грустная нотка зазвучала въ послѣднихъ словахъ добровольца. „Можетъ быть не увидимся больше, прощай"! Они протянули другъ другу руки, обнялись, и старикъ быстро скрылся въ дверяхъ вокзала. Легкая судорога появилась на лицѣ молодого человѣка, но черезъ минуту снова холодное, стальное выраженіе возвратилось къ нему: желѣзная отцовская воля на минуту измѣнила ему.

Всюду мелькали цвѣты, кажется не было ни одного человѣка, который не держалъ бы хоть небольшого букета въ рукахъ. Въ дверяхъ вокзала стоялъ татаринъ. Онъ стоялъ одинъ, онъ не покидалъ здѣсь никого и ничего, тамъ только остался небольшой погребокъ, который онъ сдалъ своему знакомому татарину Ахмеду. Онъ веселыми глазами смотрѣлъ на окружающее. Сердце его радостно билось при мысли, что онъ ѣдетъ защищать свою родину отъ не-

навистныхъ нѣмцевъ. Но вдругъ на лицо татарина набѣжало легкое облачко, радостной улыбки какъ не бывало. „Какъ такъ“ произнесъ онъ такъ громко, что прохожіе съ удивленіемъ остановились и посмотрѣли на говорившаго. „Какъ такъ“ продолжалъ татаринъ нисколько не смущаясь: „у всэхъ естъ цвэты, а у мэна нэту, такъ нэльзя я вэдь тожэ доброволецъ, тожэ пойду быть нѣмцэвъ“. Взрывъ хохота привѣтствовалъ эту короткую рѣчь. „Нэхорошо“ продолжалъ снова татаринъ: „я вэдъ тожэ за русскихъ, а у мэна цвэтовъ нѣту, даже ни травки“. Ужъ совсѣмъ обиженно закончилъ этотъ оригинальный доброволецъ. Какая то маленькая дѣвочка, лѣтъ восьми подбѣжала къ нему и сунула въ его руки огромный букетъ полевой гвоздики. „Спасибо, добрая барышна, на-ко на память отъ мэна“. И онъ вынулъ изъ кармана своихъ панталонъ маленькій перламутровый ножичекъ. „Не надо, не надо“, лепетала сконфуженно дѣвочка „Какъ такъ нэ надо, даютъ такъ бэри, а ну тэбя“. И онъ, замѣтивъ въ пальто дѣвчурки карманъ, кинулъ ножичекъ туда. Дѣвочка засмѣялась веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ и быстро побѣжала къ своей матери, которая стояла неподалеку отъ вокзала. Инцедентъ съ татариномъ скоро разсказывался во всѣхъ концахъ вокзала, а онъ счастливый и довольный вдѣвалъ въ петлицу своего пиджака двѣ красныя гвоздики. Вдругъ раздался шумъ подходящаго поѣзда. Передъ вокзаломъ онъ началъ тихонько останавливаться, и вскорѣ всѣ вагоны наполнились отъѣзжающими. Черезъ полчаса поѣздъ медленно тронулся, замелькали платки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздались крики. Медленно удалялось изъ виду гигантское чудовище, унося съ собой цѣлыя толпы людей, покинувшихъ все дорогое, все любимое и видѣвшихъ впереди только непріятельскія пули, кровь, дымъ и грохотъ пушекъ.

Бррр...



Прежнее величіе.

Прежнее величіе... мраморъ и статуи...
Темныя аллеи... Клумбы безъ цвѣтовъ,
Прежнее величіе... Какъ теперь все дико;
Какъ теперь все дышетъ затхлостью гробовъ.

* * *

Поросли дорожки дикою травою,
И давно заглохъ, когда-то чудный прудъ,
Нѣтъ ужъ розъ, плѣнявшихъ дивною красою,
Весь изчезнулъ міръ искусственныхъ причудъ,

* * *

Не цвѣтетъ сирень, и сломанъ кустъ грозою,
И не слышно больше пѣнья соловьевъ,
Ничто не нарушаетъ дикаго покоя,
Въ воздухѣ не слышенъ ароматъ цвѣтовъ.

*

Будто мертвый садъ и нигдѣ ни звука...
И затихъ журчавшій бойко ручеекъ.
Тихо все, какъ будто долгая разлука
Тронула печалью мирный уголокъ.

Несмѣянова.

ГУБЕРНАТОРЪ.

I.

Мирно спалъ уѣздный городъ К. на широкихъ берегахъ великой русской рѣки, и мирно спалъ въ этомъ городѣ смотритель уѣзднаго училища, коллежскій секретарь Александръ Ивановичъ Казачихинъ. Сладко похрапываетъ онъ въ своей мягкой удобной постели и видитъ сонъ, что сидитъ въ гостяхъ у головы, и тотъ его угощаетъ фруктами. Выбралъ Александръ Ивановичъ самую большую и сочную грушу и только что поднесъ ее ко рту, медля откусить, какъ вдругъ чей то звонкій шопотъ разбудилъ его: „Баринъ, а баринъ, не слышите нешто, гумагу тамъ принесли, такъ велятъ прочесть и подписаться". Раздосадованный неожиданнымъ вторженіемъ горничной, нарушившей его безмятежный сонъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, Александръ Ивановичъ начинаетъ ругать и бумагу, и разсыльнаго, и горничную. Бумага была отъ инспектора народныхъ училищъ. Въ ней Александръ Ивановичъ извѣщался, что въ городъ неожиданно пріѣхалъ новый губернаторъ и будетъ принимать желающихъ представиться въ 12 часовъ. Не сразу уразумѣлъ Александръ Ивановичъ написанное, и пришлось ему три раза перечитывать, чтобы понять, наконецъ, въ чемъ дѣло. А, когда онъ понялъ, первой его мыслью было, „нельзя-ли какъ-нибудь избѣгнуть безпокойства. „Желающихъ", думалъ онъ „значитъ я могу не представляться, вѣдомства я другого, чинъ маленькій, должность тоже. Но вѣдь губернаторъ!" и только что пронесшіяся мысли показались ему несбыточной, ужасной дерзостью. Сонъ сразу соскочилъ съ него, и онъ началъ поспѣшно одѣваться. Черезъ минуту неожиданная вѣсть облетѣла весь домъ. „Губернаторъ пріѣхалъ, барина къ себѣ требуетъ", съ значительнымъ видомъ сообщала горничная кухаркѣ, чистя парадный сюртукъ. А въ это время сынъ Александра Ивановича, гимназистъ 5-го класса, съ сестрой уже старательно чистили и скоблили мѣломъ и другими снадобьями старую, заржавленную шпагу. „Сегодня выглянулъ я, какъ всталъ, въ окно", говорилъ гимназистъ со смѣхомъ", „гляжу городовой стоитъ на мостовой, а тротуары обчищены, пескомъ посыпаны, что, думаю, за притча такая? Оказалось, губернаторъ пріѣхалъ". А старая шпага визжала, ворчала, сопѣла, подъ молодыми энергичными руками. „Тьфу ты, нигдѣ второй перчатки не могу найти", съ отчаяніемъ говорила жена Александра Ивановича, стоя на колѣняхъ передъ сундукомъ: „все перерыла, точно провалилась право, а какъ ты безъ перчатокъ то пойдешь". Было воскресеніе, всѣ магазины заперты, купить никакъ нельзя, а тутъ еще, къ довершенію несчастья, отъ излишняго усердія дѣтей, отломалась у шпаги ручка, и такъ еле державшаяся. Кухарка, горничная, дѣти, всѣ сбились съ ногъ, исполняя всевозможныя приказанія, бѣгая изъ угла въ уголъ, чего-то ища, чистя и починивая. Ручку привязали къ шпагѣ черной лентой, какъ можно незамѣтнѣе, только съ перчаткой долго не знали, какъ быть. Дѣло въ томъ, что она оказалась съ правой руки. Если бы съ лѣвой, то это бы-

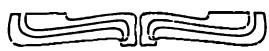
ло бы еще туда-сюда, ее бы можно было одѣть (правая рука все равно безъ перчатки должна быть), но что дѣлать съ этой перчаткой. Наконецъ, по общему рѣшенію Александръ Ивановичъ взялъ ее въ лѣвую руку, „для виду“, какъ сказала горничная. И вотъ осторожно придерживая злополучную шпагу, съ одиноко болтавшейся перчаткой, вышелъ Александръ Ивановичъ въ переднюю, напутствуемый благословеніями семьи.

II.

Сани, въ которыхъ сидѣлъ Александръ Ивановичъ, подкатили къ большому дому богатаго купца Козолупова. Парадныя тяжелыя двери широко раскрыты, двое городовыхъ съ озабоченными лицами и охриплыми голосами, не перестаютъ кричать на собравшуюся публику и перебраниваться съ кучерами и извозчиками. Морозъ пощипываетъ и румянитъ лица, горячій бѣлый паръ вырывается изъ ноздрей, иней украшаетъ бороды и усы. Брань, крики, грубыя шутки и громкій хохотъ раздается въ морозномъ воздухѣ. Сани безперерывно, одни за другими подкатываютъ къ дому, и господа въ широкихъ теплыхъ шубахъ, всѣ запушенные инеемъ, кряхтя и вздыхая, вылѣзаютъ изъ нихъ. Вмѣстѣ съ какими-то двумя господами вошелъ Александръ Ивановичъ въ большую переднюю, наполненную народомъ. Швейцары не успѣваютъ снимать шубы съ вновь прибывавшихъ. Куда ни взглянешь, все шубы, шубы, форменныя фуражки и кокарды. Александръ Ивановичъ съ трудомъ отыскалъ укромный уголокъ, все аккуратно сложилъ и повѣсилъ, оправился и сталъ подниматься вверхъ по лѣстницѣ. Но не успѣлъ дойти онъ и до середины, какъ, оглянувшись, увидѣлъ, что на его одеждѣ цѣлый ворохъ шубъ и шапокъ. „Ну, помогай Богъ теперь отсюда выбраться“, съ сокрушеніемъ подумалъ онъ. Хотя Александръ Ивановичъ и зналъ, что ему не предстоитъ никакихъ ни пагоняевъ, ни распеканій, тѣмъ не менѣе съ самаго утра онъ находился въ нервномъ состояніи. Выйдя изъ дому, онъ зашелъ на минуту въ училище, самъ не зная зачѣмъ, повертѣлся тамъ, говорилъ все время, какъ во снѣ, затѣмъ долго ходилъ по улицѣ, боясь пріѣхать слишкомъ рано, и, когда часы уже показывали безъ 5-ти минутъ 12 часовъ, онъ взялъ извозчика и поѣхалъ на пріемъ. За два квартала до дома Козолупова часы пробили двѣнадцать. „Опоздалъ, вотъ тебѣ и походилъ по улицѣ“, думалъ страшно встревоженный Александръ Ивановичъ, нервно погоняя извозчика. Теперь, видя, что онъ не опоздалъ, и съѣздъ еще продолжается, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и сталъ весело оглядывать шедшихъ съ нимъ рядомъ визитеровъ. На самомъ верху лѣстницы стоялъ полиціймейстеръ. Глядитъ Александръ Ивановичъ на его любезно кивающую во всѣ стороны голову и думаетъ: „Его физіономія такъ сіяетъ, какъ будто мы съ нимъ на блины къ головѣ пришли“. „Здравствуйте, здравствуйте, распишитесь пожалуйста“, торопливо говоритъ полиціймейстеръ, подсовывая листъ бумаги. Руки дрожатъ, и голова идетъ кругомъ у Александра Ивановича отъ волненія, отъ окружавшей сутолоки, отъ гула голосовъ, отъ массы мелькавшихъ лицъ. „И адресъ, и адресъ пожалуйста“, съ неизмѣнной улыбочкой настойчиво повторяетъ полиціймейстеръ. „На что ему мой адресъ?“ недоумѣваетъ Александръ Ивановичъ „вѣдь знаетъ, гдѣ я живу, не разъ въ карты у меня играли“, однако беретъ ручку и пишетъ во второй разъ. Мимо взадъ и впередъ проходятъ и именитые граждане, и скромные чиновники, всѣ оживленно разговаривая. Но вотъ произошло общее движеніе, гулъ сразу замолкъ, и всѣ глаза съ тревожнымъ ожиданіемъ устремились на тяжелую портьеру двери, ведшей во внутреннія комнаты дома. Александръ Ивановичъ растерянный, ничего не понимавшій, что кругомъ происходитъ, съ отчаяніемъ оглядывалъ, выстроившихся полукругомъ представлявшихся, ища, гдѣ бы ему встать. А въ это время вошелъ губернаторъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ и уже начинаетъ обходъ. Къ счастію Александръ Ивановичъ замѣтилъ чью-то голову около самой двери, усердно ~~ему кивавшую, уже~~ нѣсколько минутъ. Обрадованный бро-

сается онъ туда, расталкивая, стоящихъ на дорогѣ, не обращая вниманія на яростные взгляды. Вдругъ Александру Ивановичу показалось, что губернаторъ уже подходитъ къ нему, и онъ остановился, какъ вкопанный, очутившись среди духовенства. Но отступать было поздно, губернаторъ подходилъ подъ благословеніе, рядомъ стоявшаго протоіерея. „Какой церкви?", слышится голосъ губернатора. „Кладбищенскаго прихода, Ваше Превосходительство", вдругъ выпаливаетъ весь дрожа Казачихинъ, и тутъ только соображаетъ, что вопросъ относился не къ нему, а къ рядомъ стоящему длинному священнику, украшенному наперстнымъ крестомъ. Губернаторъ мелькомъ взглянулъ на совершенно уничтоженнаго Казачихина и протянулъ ему руку. Весь обливаясь холоднымъ потомъ, Александръ Ивановичъ низко поклонился губернатору, согнувшись подъ прямымъ угломъ и такъ застылъ въ этой позѣ; когда же онъ выпрямился, то губернаторъ былъ уже далеко. Слава Богу, кончилась вся эта процедура; облегченно и радостно вздыхаетъ Александръ Ивановичъ и, вмѣстѣ съ подхватившей его волной спѣшащихъ къ выходу людей, не замѣчая, что ручка шпаги давно уже отвалилась и болтается на черной лентѣ, онъ спускается въ переднюю. Только, очутившись здѣсь, онъ соображаетъ, что не все еще кончилось, что нужно еще отыскать свою шубу. „Вотъ здѣсь я какъ будто раздѣвался", думаетъ онъ останавливаясь около сваленныхъ въ кучу форменныхъ и не форменныхъ шубъ. Вытаскиваетъ онъ одну шубу „не моя", другую: „не моя" и третья не его. У бѣднаго Александра Ивановича опустились руки. И вдругъ счастливая мысль приходитъ ему въ голову. Онъ вспоминаетъ, что въ правомъ карманѣ его шубы должна лежать корочка хлѣба, которую онъ носилъ всегда съ собой, чтобы задобрить собаку съ сосѣдняго двора. И вотъ онъ начинаетъ рыться въ карманахъ всѣхъ шубъ. Случайно, взглянувъ въ сторону, онъ поймалъ на себѣ удивленный взглядъ швейцара. „Еще чего добраго подумаетъ, что я въ карманахъ съ злымъ умысломъ роюсь", мелькаетъ мысль въ головѣ Александра Ивановича. Наконецъ, ура! Шуба, шапка и галоши въ его рукахъ, и, одѣвая все это на ходу, онъ съ радостнымъ облегченіемъ выскакиваетъ на свѣжій воздухъ. Какъ все хорошо кругомъ, какъ ярко свѣтитъ солнце, какъ блеститъ снѣгъ въ его лучахъ, какъ весело и легко на сердцѣ у Александра Ивановича! Хочется ему и пѣть, и плясать, и смѣяться, какъ маленькому, отъ избытка радости. Онъ былъ доволенъ собой, какъ никогда. „Я исполнилъ свой долгъ", повторялъ онъ себѣ каждую минуту, и сердце замирало отъ радостнаго умиленія надъ самимъ собой.

Ефимова.



Настоящее, прошедшее и будущее кинематографа.

(Рефератъ, читанный на собраніи физико-математическаго кружка).

Мнѣ пришлось прочесть такую фразу: „Кинематографъ? О если бы я могъ, я стихами воспѣлъ бы кинематографъ"!

„Онъ сила будущаго и будущее за нимъ"! слышится другое мнѣніе.

„Великій кинемо, идолъ нашего вѣка, къ которому стремятся всѣ, у подножія котораго всѣ сословія: начиная съ профессора, убѣленнаго сѣдинами и кончая юной гимназисткой, всѣ просиживаютъ въ его полутемныхъ залахъ, слѣдя за конвульсивными движеніями мелькающихъ фантомовъ, и ничто не выдерживаетъ конкуренціи съ нимъ", такъ возмущаются третьи.

Дѣйствительно, трудно найти среди насъ, да и вообще среди городскихъ

жителей такого, который бы хоть разъ не былъ въ кинематографѣ. Но едва ли всякій задавалъ себѣ вопросы что же такое кинематографъ? въ силу какихъ причинъ онъ явился? Что онъ даетъ намъ теперь? Что обѣщаетъ дать въ будущемъ?

„Вотъ придешь значитъ, двугривенный заплатишь, зеленый билетикъ тебѣ дадутъ, посадятъ тебя, на стѣну глядѣть надо, а на стѣнѣ, то будто дерутся, то подушки на барина сыплются", такъ объяснитъ, пожалуй, рабочій своему сынишкѣ. Но намъ то этихъ картинокъ на стѣнѣ мало, мало этихъ объясненій, мы хотимъ ближе подойти къ предмету, спрашиваемъ. каково значеніе кинематографа?

Вопросъ кинематографа—вопросъ современный, назрѣвающій, „вопросъ сегодняшняго дня", какъ иногда говорятъ. Полностью я не смогу на все отвѣтить, но что могу, я постараюсь дать.

Прежде всего, конечно, прослѣдимъ исторію развитія кинематографа, его техническое устройство.

Помню, когда я была еще маленькой дѣвочкой, то продѣлывала такую вещь: заженную лучинку водила зигзагами различными, приговаривая: „кольчикомъ, бантикомъ", и, дѣйствительно, выходили кольчики и бантики. То же, навѣрное, продѣлывали и многіе изъ васъ.

Теперь мы болѣе сознательно отнесемся къ этому явленію и объяснимъ его слѣдующимъ образомъ: такъ какъ тѣло идетъ толчками, то наша сѣтчатка отъ каждаго толчка получаетъ раздраженіе: но тѣло идетъ быстро, и наше сознаніе не успѣваетъ разграничивать одно раздраженіе отъ другого, а сѣтчатка на одинъ моментъ удерживаетъ раздраженіе, дополняетъ его, сливаетъ со слѣдующимъ. и въ сознаніи получается ощущеніе общаго движенія.

Эти свойства нашего глаза и сознанія извѣстны были еще до Р. Х., по крайней мѣрѣ, философъ тѣхъ временъ Лукрецій сказалъ; „не удивительно, что картины движутся, вскидывая другими частями тѣла: исчезнетъ одна и на ея мѣстѣ появляется другая, въ другомъ положеніи, такъ что, кажется, будто первая картина измѣнила свой первоначальный жестъ, впрочемъ, это должно происходить очень быстро". Предполагаютъ, что въ древности былъ извѣстенъ и проэкціонный фонарь и движущіяся картины, но это только предположенія.

Въ 1829 году докторъ Парисъ изобрѣлъ „тауматропъ", нѣчто вродѣ дощечки, на одной сторонѣ которой нарисована клѣтка, а на другой птичка. Дощечка укрѣплена на оси. Если быстро вращать дощечку, то получится впечатлѣніе, что птичка сидитъ въ клѣткѣ. Это служило для забавы дѣтей. Въ томъ же родѣ появились и другія игрушки въ XVIII вѣкѣ. Все это отдаленные предки нашего кинематографа. Въ половинѣ XVIII вѣка появился „фанакистоскопъ" или какъ его называли въ Россіи „фантошкопъ". Эта игрушка представляла круглый картонный дискъ, по окружности котораго прорѣзанъ рядъ квадратныхъ отверстій. Отъ центра круга располагаются нарисованныя спицы колеса. Кругъ насаженъ на ось укрѣпленную въ рукояти. Если будемъ быстро вращать кругъ, то спицы сольются для нашего зрѣнія въ мутный кругъ, но если повернуть къ зеркалу, то получится иное впечатлѣніе, при чемъ направленіе движенія зависитъ отъ количества прорѣзанныхъ въ дискѣ отверствій.

Въ 1829 году бельгійскій физикъ Плато изобрѣтаетъ „фрэнацетоскопъ", въ основѣ котораго также лежитъ длительность свѣтового явленія. воздѣйствующаго на нашу сѣтчатку.

Въ этомъ же 1829 году австрійцемъ Штрампферомъ былъ изобрѣтенъ „стробоскопъ" или „доотропъ". Это цилиндръ съ прорѣзанными отверстіями. Снизу подкладывается лента. Если смотрѣть на стробоскопъ съ боку, то получится иллюзія оживленія картинъ.

Стробоскопъ ближайшій предокъ нашего кинематографа, главныя заслуги его въ томъ, что онъ выдвинулъ идею движенія фигуръ и способъ оживленія ихъ на экранѣ.

Теперь было двѣ задачи: 1) найти возможность дешевымъ и быстрымъ способомъ запечатлѣвать, какъ отдѣльныя, такъ и цѣлый рядъ движеній, наблюдаемыхъ въ природѣ;

2) создать приборъ, который бы съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ стробоскопъ, пользовался длинными лентами съ изображеніемъ фигуръ.

Въ XIX вѣкѣ кинематографіей очень интересовались. Такъ въ 1877 году нѣкто Мейбриджъ, богатый американскій конозаводчикъ, создалъ цѣлую электрическую устойку, чтобы получить рядъ послѣдовательныхъ представленій съ бѣгущей лошади.

Укажемъ еще на нѣкоторые важнѣйшіе моменты въ исторіи конематографіи.

Въ 1882 году Марей построилъ „фотографическій револьверъ", въ которомъ свѣточувствительныя пластинки быстро одна за другой подавались къ трубѣ, снабженной объективомъ, какъ въ огнестрѣльномъ револьверѣ къ стволу подаются гнѣзда барабана съ патронами. Но этотъ аппаратъ позволялъ сдѣлать только двѣнадцать съемокъ, послѣ чего пластинки вынимались, а на двѣнадцати пластинкахъ можно производить моменты только короткаго движенія. Этимъ изобрѣтеніемъ, хотя и несовершеннымъ, былъ данъ толчекъ: созналась необходимость работать однимъ аппаратомъ, передвигать въ немъ свѣточувствительный слой, а кромѣ того съемка дѣлалась въ такое короткое время, что движущееся тѣло изображалось съ мельчайшими подробностями. Марей, работая надъ своимъ ружьемъ, замѣнилъ пластинки прозрачной лентой, на которой можно было сдѣлать до 300 снимковъ по 10 въ секунду.

Въ 1869 году въ Америкѣ было изобрѣтено вещество „целлулоидъ", въ составъ котораго входила камфара, обработанная колодіемъ.

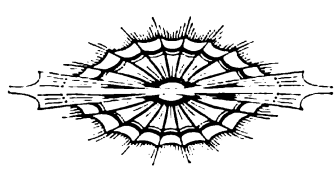
Изъ „целлулоида" стали выдѣлывать щпильки, гребенки... Такъ какъ целлулоидъ считался хотя веществомъ твердымъ, но обладающимъ нѣкоторой эластичностью, то въ 1889 г. въ Англіи появились ленты, изготовляющіяся изъ очень тонкаго слоя целлулоида, назывались онѣ пленками.

Изобрѣтеніе такой ленты, на которой можно получить съ движущагося тѣла много десятковъ, а иногда и сотъ съемокъ, при чемъ съемки слѣдовали быстро одна за другой, имѣло большое значеніе.

Въ 1893 году Эдиссонъ изобрѣлъ свой „кинетоскопъ". Важно въ этомъ приборѣ то, что картина была малаго размѣра, а лента имѣла на бокахъ отверстія, которыя обезпечивали плавное развертываніе ленты.

Послѣ Эдиссона въ Ліонѣ выступаютъ французы, братья Люмьеръ 1846 г. со своимъ „Cinématografhe", это названіе и установилось навсегда за этимъ аппаратомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



*

ПОСВЯЩАЕТСЯ МАШѢ.

Настала жестокая холодная зима, сразу видно нашу злую, неумолимую Сибирь. Вернулся я изъ города въ имѣніе (недавно еще доставшееся мнѣ отъ дяди). Первое время въ деревнѣ было довольно скучно послѣ городского шума, но потомъ мало-помалу свыкся и даже полюбилъ деревенское житье и совсѣмъ обратился въ сельскаго жителя, полюбилъ и бесѣды съ священникомъ и долгое сидѣніе за горячимъ самоварчикомъ. Но скоро знакомая уже скука начала меня преслѣдовать; надоѣло уже все время пить чай, да говорить объ одномъ и томъ-же, захотѣлось почитать, подумать, но въ томъ-то и бѣда, что книги привезенныя давно уже были прочитаны, а новыхъ никакъ нельзя было найти, хоть весь домъ перерой, кромѣ календарей (да и то не нынѣшнихъ, а какихъ-то чуть-ли ни того столѣтія) ровно ничего не было. Помню, что то, которое я хочу описать, узналъ я въ одинъ очень холодный вечеръ, хорошо было сидѣть въ такую погоду въ теплѣ, зная, что никакая стужа не проберетъ тебя; всѣмъ-бы хорошо, да дѣлать совершенно было нечего и давай я рыться въ ящикахъ дядиной конторки, которая послѣ его смерти такъ и осталась нетронута: долго я рылся, но ничего, кромѣ какихъ-то счетовъ да квитанцій, не находилъ, да если по правдѣ сказать, едва ли и можно было надѣяться найти что либо интересное у дяди: всю свою жизнь онъ прожилъ бобылемъ въ своемъ имѣніи, занимаясь хозяйствомъ, вѣчно былъ одинокъ, никого не любилъ, а особенно недоброжелательно относился къ женщинамъ, нерѣдко среди разговора о нихъ онъ говорилъ, что „теперь ужъ хорошихъ, идеальныхъ женщинъ нѣтъ, а объ женщинѣ героѣ и рѣчи быть не можетъ“. При этомъ онъ какъ то тяжело вздыхалъ и старался больше не продолжать разговора на эту тему. Зная все это про дядю, меня теперь особенно удивило, что на днѣ конторки я нашелъ небольшую тетрадку, перевязанную голубой лентой—уже измявшейся отъ времени; на первомъ бѣленькомъ листочкѣ тетрадки была надпись мужской рукой: „Послѣдняя память о ней“, а вся тетрадь была исписана мелкимъ женскимъ почеркомъ. Меня удивило, что эта тетрадь, очевидно принадлежавшая женщинѣ, вдругъ очутилась у дяди. Любопытно было узнать, что могло быть дорого старику, такому холодному, безчувственному, а потому-то я, какъ можно скорѣе принялся за чтеніе.

Записки.

„Тяжелый выдался нынче годъ, стоны и стоны кругомъ; быстро разгорѣлась война, всѣмъ трудно жилось; кровь пятномъ лежала на всѣхъ; не было ни одной семьи, которая не боялась бы за кого-нибудь близкаго. Господи, сколько горя и стоновъ кругомъ. Сначала я какъ будто безчувственно относилась ко всему этому, ничто очень не волновало меня.... но одна встрѣча перевернула все, всю мою жизнь! Въ то время я была еще гимназисткой, мнѣ, какъ и всѣмъ почти моимъ сверстницамъ подругамъ, все представлялось въ розовомъ свѣтѣ, хотѣлось пѣть, веселиться и только не дѣлать ничего серьезнаго. Одна изъ моихъ подругъ устраивала что-то вродѣ вечера, такъ собрались всѣ ея подруги-одноклассницы (въ томъ числѣ и я), да нѣсколько офицеровъ, которые вообще среди насъ гимназистокъ были въ модѣ, а во время войны, особенно. Мы всѣ разговаривали, пѣли, смѣялись а потомъ я подошла къ роялю и начала играть, но ужъ право и не помню что. Ко мнѣ подошелъ офицеръ и сначала довольно долго молча слушалъ, а потомъ, когда я перестала играть, сталъ просить чтобъ я продолжала, говоря, что я должна всю жизнь веселиться и слышать только музыку, а тѣ стоны, что на полѣ битвы, не должны доходить до меня. Сначала я его слушала, но потомъ мнѣ такъ обидно стало, что посторонній человѣкъ въ мою душу заглядываетъ, а какой-то невидимый чертенокъ такъ и подмывалъ меня говорить дерзости наперекоръ этому блестящему и (какъ мнѣ казалось) самодовольному офицеру, не знаю откуда и слова у меня взялись, но я на-

чала ему говорить, что всѣ его слова неправда, что дѣвушка создана не для того, чтобы дома сидѣть, да слушать какую-то небесную музыку, а быть вѣчнымъ другомъ своимъ братьямъ и въ горѣ и въ радости, и здѣсь въ его счастливой жизни, и тамъ далеко на полѣ брани. Долго я еще говорила, а потомъ и самой стыдно стало, и поскорѣе отъ него убѣжала. Но мои собственныя слова врѣзались мнѣ въ голову и мало-помалу, начало созрѣвать рѣшеніе, сначала смутно, туманно, но потомъ съ такою силою, что никакими средствами нельзя было меня остановить отъ него!

. . . . . .

Какъ все это случилось, я и сама не знаю, какъ будто во снѣ, словно кто—невѣдомый руководилъ мною, такъ, по крайней мѣрѣ, я объясняю себѣ все случившееся. Какъ это ни странно, но я уже не гимназистка, а солдатъ... да, самый настоящій солдатъ (и только недавно открыто мое инкогнито). Я до сихъ поръ не знаю, какъ объяснить все случившееся, могу только сказать: уѣхала изъ родительскаго дома, мнѣ въ этомъ помогъ офицеръ, про котораго я уже писала, онъ сначала и вѣрить не хотѣлъ, что я поѣду, но узнавъ, что я говорю правду, такъ хвалилъ меня, героемъ называлъ. Когда я первый разъ пробовала надѣть солдатскую форму, которую мнѣ достали я себя не узнала: солдатъ, да и только развѣ немного молодъ. Какъ быстро прошло время, вотъ уже и день отъѣзда насталъ, въ эту послѣднюю минуту я не колебалась, только старалась не смотрѣть въ окно вагона, когда поѣздъ проходилъ мимо родного города. Богъ вѣсть, можетъ никогда не удастся мнѣ побывать въ немъ, можетъ безвозвратно унощусь отъ него. Въ вагонѣ мнѣ пришлось ѣхать вмѣстѣ съ простыми солдатами, всѣмъ-бы хорошо, весело, только ужъ очень холодно, зубъ на зубъ не сходится. Сядешь къ печкѣ, лицу жарко отъ огня, а въ бока и спину холодъ сквозь шинель пробивается: руки болятъ, кашлять начала, должно быть здорово простудилась; солдатики народъ добрый, все жалѣли меня, да говорили, „что вотъ молъ какія тяжелыя времена настали, совсѣмъ безусыхъ въ солдаты берутъ, имъ бы дома сидѣть, да въ лошадки играть!“ И сами простудившіеся замерзшіе солдатики, уступали мнѣ свои мѣста у печки. Бѣдные, бѣдные незамѣтные герои—въ своемъ горѣ они еще заботятся о другихъ и сердце у меня болѣло за бѣдныхъ солдатъ, Богъ знаетъ, кто вернется изъ нихъ съ войны!!! Скоро пришлось отстать отъ моихъ спутниковъ, доѣхала до Москвы, да такъ расхворалась, что положили въ лазаретъ. А дальше я почти ничего уже не помню, помню только какъ откуда-то издалека донесся шопотъ: да вѣдь это женщина... потомъ должно быть я потеряла сознаніе. На другой день я хотѣла сестрицу спросить о подробностяхъ, но она запретила разговаривать, говоря, что всякое волненіе мнѣ вредно .

. . . . . .

Долго я не писала записки, да и нечего писать... знаю что мнѣ все больше и больше хочется жить, а жизнь все уходитъ, хотя маленькими шагами, но быстро, и вотъ еще небольшое движеніе и все кончено. Видно и родителей не придется увидѣть!.. Придется сказать что: „Умеръ солдатикъ въ больницѣ военной, умеръ безъ материнскаго благословенія“.

Какъ попала эта тетрадка къ дядѣ, кто была эта дѣвушка, такъ и осталось для меня навсегда тайной. Много времени прошло уже съ того вечера, а я все берегу ту тетрадку, какъ послѣдню память о той, которая стала дорога моему сердцу, хотя и имя ее осталось навсегда для меня неизвѣстно.

„Лилія“.

ПОСВЯЩАЕТСЯ В.

Ты дитя. Жизнь еще не пропѣла
Пѣсни мрачной и горькой своей
Надъ прекрасной и дѣвственно чистой
Бѣлокурой головкой твоей.

* *

Ни пороки ни страсти людскіе
Не коснулись голубка тебя
Ты живешь всѣми нѣжно любимая
Въ міръ безпечно спокойно глядя.

* *

Твои чудно-лазурные глазки
Столько прелести чистой полны,
И въ нихъ столько чарующей ласки,
Столько дѣтской совсѣмъ простоты,

*

Что невольно любуешься ими,
Хочешь вѣчно смотрѣть лишь на нихъ;
И являются дивно прекрасными
Они въ грезахъ прелестныхъ моихъ.

* * *

Ты не знаешь, какъ ты дорога мнѣ,
Какъ безмѣрно люблю я тебя,
Но очей своихъ ласковымъ взглядомъ
Иногда ты даришь и меня.

Большой концертный залъ залитъ моремъ огня. Публика, оживленно разговаривая и смѣясь, занимаетъ свои мѣста. Сегодня послѣдній прощальный концертъ извѣстнаго скрипача Б. На дняхъ онъ уѣзжаетъ на войну. Вотъ ужъ третій звонокъ, и въ залѣ все смолкаетъ. Медленно выходитъ на эстраду скрипачъ и спокойнымъ взглядомъ окидываетъ публику: сюда собралась вся блестящая петроградская аристократія. Минуты двѣ настраиваетъ онъ скрипку, а затѣмъ начинаетъ играть. Сначала онъ играетъ для этой блистающей драгоцѣнными камнями толпы, но потомъ забываетъ ее и уносится въ свои мысли, свои мечтаньи. Тихо поетъ скрипка, и звуки нѣжные, ласкающіе непроизвольно льются изъ подъ смычка... И вспоминается ему красавица—мать, сидящая около его постели и ласкающая его своей нѣжной бѣлой рукой... Но рано умерла его мать, и онъ остался совсѣмъ одинъ, но этой картины дѣтства ему не забыть никогда. Къ ней то и несутся эти душу ласкающія звуки; и онъ мысленно прощается съ могилой матери, которую, можетъ-быть, онъ не увидитъ никогда.

Больше ему ничего не жаль покинуть въ этомъ холодномъ, сѣромъ Петроградѣ; не жаль ему этой блестящей, льстивой толпы; не жаль ему его славы.

Только жаль еще свою скрипку, съ которой дѣлилъ онъ и радость и горе... И тихо рыдаетъ скрипка подъ умѣлой рукой скрипача...

Въ залѣ тихо...

Публика боится пошевелиться, боится нарушить очарованіе. А скрипка ужъ не рыдаетъ, не жалуется на разлуку, а поетъ побѣдоносную пѣснь, въ которую вылилась вся душа русскаго человѣка...

Музыкантъ весь измѣнился: глаза его блестятъ, станъ выпрямился, и онъ весь рвется туда, гдѣ льется кровь его братьевъ, онъ все готовъ покинуть, принести какую угодно жертву, лишь бы быть полезнымъ своему отечеству, помочь въ этой упорной борьбѣ за свободу.

Все громче и радостнѣе звучатъ струны и вотъ... они замолкли. Публика молчитъ: очарованіе все еще царитъ надъ нею...

Но вдругъ громъ аплодисментовъ потрясъ своды зала. Скрипачъ кланяется и уходитъ съ эстрады, но ему не даютъ покоя, вызывая на повтореніе. Онъ отказывается и, появившись въ послѣдній разъ передъ публикой, кланяется во всѣ стороны и уѣзжаетъ изъ театра.

Что-то ждетъ его въ недалекой, но туманной будущности?

О.

„Не въ деньгахъ счастье".

(Продолженіе).

Часа 3 ждала Лида Раю. Наконецъ та вышла въ сопровожденіи классной дамы. Послѣдняя громко обратилась къ дѣвушкѣ и объявила, что ея ученица выдержала экзаменъ и будетъ принята. Затѣмъ она отвела Лиду въ сторону и произнесла шопотомъ: „Ваша ученица отвѣчала совсѣмъ плохо. но, принимая во вниманіе ея состояніе, ей натянули отмѣтку. Этого вы ей, конечно, не скажете!" добавила она. Лида поблагодарила за участіе и, попрощавшись съ классной дамой, взяла Раю за руку и двинулась къ выходу. Швейцаръ. получившій на чай. предупредительно открылъ передъ ними дверь и громко крикнулъ карету. Сѣдой, важный кучеръ привѣтливо спросилъ свою молоденькую барышню, выдержала ли она. Рая утвердительно кивнула головой, и онѣ сѣли въ карету.

Во время обратнаго пути Рая была спокойнѣе, но всю дорогу молчала. Лида понимала ея чувства и мысли безъ словъ и участливо ободряла ее взглядомъ.

Карета подъѣхала къ подъѣзду большого дома-особняка Добрыниныхъ. Представительный швейцаръ поспѣшно открылъ дверцу кареты и пропустилъ барышенъ. При этомъ взглядъ его, обращенный на Раю, былъ какъ-то странно сострадателенъ и какъ будто боялся встрѣтиться съ Раинымъ. Послѣдняя не подымала головы и ничего этого не замѣтила, но Лида уловила нѣчто необыкновенное въ обращеніи старика, и сердце ея ёкнуло и боязливо забилось. Она догадалась, что въ ихъ отсутствіе въ домѣ произошло что-то необычайное, роковое, что-то такое, что наложило какой-то

гнетъ, и то тяжелое молчаніе, которое такъ болѣзненно отзывалось на всѣхъ, звучало смутнымъ опасеніемъ въ ней, въ біеніи ея сердца. Рая тоже почувствовала это „что-то“ и вопросительно-тревожно взглянула по направленію зала. Вдругъ въ дверохъ она замѣтила m-lle Фанни, которая дѣлала какіе-то знаки стоявшей позади Раи Лидѣ. Дѣвочка не выдержала и съ отчаяннымъ крикомъ: „Что случилось? Скажите“! бросилась къ француженкѣ. Вдругъ до ея слуха долетѣли судорожныя рыданья матери, и бросился въ глаза маленькій, сѣденькій священникъ. Рая разомъ поняла все и упала безъ чувствъ на руки подоспѣвшей гувернантки. „Воды!“ громко крикнула та. Сбѣжалась испуганная прислуга, подбѣжала Лида; Раю перенесли въ ея комнату, на кровать; она лежала блѣдная, какъ полотно, съ безжизненно раскинутыми руками и плотно сжатыми синими губами.

Вокругъ дѣвочки хлопотали француженка и Лида; во всемъ домѣ только онѣ двѣ не потеряли головы и были способны соображать.

M-lle Фанни послала за докторомъ. Онъ скоро явился. Это былъ домашній врачъ, всегда лѣчившій Раю, который опредѣлилъ сильное нервное потрясеніе. Онъ объяснилъ француженкѣ, какъ ухаживать за дѣвочкой и собрался было уже уходить, какъ вдругъ вбѣжавшій лакей испуганнымъ шопотомъ заявилъ: „Пожалуйте къ барину, докторъ: имъ дурно!“ Докторъ вышелъ. Наступила жуткая тишина, прерываемая изрѣдка доносившимся монотоннымъ чтеніемъ монахини надъ покойникомъ да истерическими выкриками несчастной матери, рыдавшей надъ милымъ сыномъ. Но вотъ Лида услышала чьи-то осторожные шаги, паденье чего-то тяжелаго и черезъ нѣсколько времени взволнованный шопотъ въ сосѣдней комнатѣ. Лида вышла туда, чтобы узнать, что случилось.

„Матушка, барышня! бросилась къ ней горничная: „бѣда наша: и самъ то баринъ скончался, а барыня, какъ услыхала, то такъ съ розмаху и покатилась да зашиблась. Бѣда! А тамъ всѣ и приступить то не знаютъ къ чему; никакъ четыре покойника въ домѣ будутъ! Пойдите, барышня, хоть вы къ барынѣ!“ прибавила она.

Лида бросилась въ спальню. На богатой кровати подъ бѣлымъ нарядным пологомъ, откинутымъ назадъ, въ своемъ красивомъ капотѣ, вышитомъ серебромъ и украшенномъ лентами лежала Вѣра Павловна. Въ эту минуту сходство Раи съ матерью было еще поразительнѣе: тѣ-же бѣлокурые, еще не посѣдѣвшіе локоны, теперь, какъ и у дѣвочки, разметавшіеся по подушкѣ; то же блѣдное лицо съ правильными чертами и закрытыми глазами: такъ же плотно сжатый ротъ съ безкровными губами; даже та же поза. Въ комнатѣ была лишь старушка няня, но и та только причитала, бѣгая отъ двери къ кровати и обратно и не зная, за что взяться, чѣмъ помочь барынѣ. При появленіи Лиды она бросилась къ ней и запричитала еще сильнѣе. Природная сообразительность и энергія, въ часы отдыха и подъ вліяніемъ мрачныхъ мыслей дремавшая въ Лидѣ, проснулась въ ней въ рѣшительную минуту. „Перестаньте, няня“, прикрикнула она на старушку: „скажите лучше, чтобы послали за сестрой милосердія и за кѣмъ нибудь изъ родныхъ“! Окрикъ произвелъ на няню желаемое дѣйствіе: она какъ будто отрезвѣла и, моментально понявъ положеніе вещей, вышла, чтобы исполнить приказаніе Лиды, которая подошла къ лежавшей женщинѣ, оправила на ней капотъ, пригладила волоса и положила компрессъ на ушибленную при паденіи руку.

Скоро пріѣхала мать Вѣры Павловны, вызванная няней; оказалось, что все случившееся было для нея совершенной новостью: сраженные горемъ Добрынины никому ничего не дали знать. Она была поражена, но не растерялась. Лида подробно, все что знала сама, разсказала ей и помогла ей, чѣмъ могла.

Стали съѣзжаться близкіе родные Добрыниныхъ. Слышались рыданья, разго-

воры, предположенія; Лида почувствовала теперь себя лишней, чужой.

Она зашла въ комнату Раи, помогла гувернанткѣ удобнѣе устроить больную дѣвочку и пошла домой. Всю дорогу думала Лида о несчастьи, постигшемъ семью Добрыниныхъ. Когда она дошла до дому, было уже темно. Валерія Дмитріевна была сильно встревожена ея долгимъ отсутствіемъ и хотѣла уже итти ей навстрѣчу.

Теперь, когда напряженіе прошло, натянутые нервы дѣвушки не выдержали и она, рыдая, бросилась на шею матери. „Что съ тобой, Лидуся?“ удивилась и забезпокоилась та: „Не выдержала экзамена твоя ученица?“ Лида продолжала плакать, лежа на плечѣ матери. „Да что съ тобой?“ допрашивалась Валерія Дмитріевна: „что случилось?“

Наконецъ, наплакавшись вдоволь, Лида разсказала, въ чемъ дѣло. Мать старалась ее успокоить, уговаривала не плакать, заснуть. Дѣвушка послушалась ея совѣта. На другой день она проснулась уже совсѣмъ поздно. Послѣ всѣхъ волненій, пережитыхъ вчера, и слезъ голова Лиды была тяжела, какъ будто бы была налита свинцемъ; глаза горѣли. Она медленно одѣлась и, чувствуя себя совсѣмъ усталой и слабой, опустилась въ кресло. Взглядъ ея упалъ на лежавшую передъ ней на столѣ развернутую газету. Лида прочла: „Вѣра Павловна Добрынина и дочь съ глубокой скорбью извѣщаютъ о смерти Николая Петровича и Николая Николаевича Добрыниныхъ, послѣдовавшей внезапно 9-го августа сего года“. Лида откинулась на спинку кресла и задумалась. Погода по прежнему была хмурая; попрежнему моросилъ мелкій дождь; небо было такъ же покрыто темными, свинцовыми тучами, низко нависшими надъ угрюмымъ городомъ, какъ и прежде. Лида была въ своемъ скромномъ почти бѣдномъ платьѣ; обстановка и лица были все тѣ-же; но на душѣ дѣвушки, несмотря на горечь и сожалѣніе къ бѣдной семьѣ, была какая то странная радость, почти ликованіе.

„Я была неправа, говоря, что въ богатствѣ счастье“, думала она: „Добрынины такъ богаты, но такъ несчастны. Лучше бѣдность, но всѣ дорогіе здоровы и счастливы, чѣмъ смерть и горе при богатствѣ!“

И Лида долго плакала, сидя въ темномъ углу, никѣмъ не замѣченная; но эти слёзы были не прежнія, слезы недовольства и отчаянія, а слезы благодарности Богу, слезы тихаго, скромнаго счастья.

Смолянка.

Тяжело.

Тяжело?.. истомилась ты бѣдная,
Ослабѣла подъ гнетомъ судьбы...
На кого ты похожа, изсохшая, блѣдная?..
Подкосилися ноги отъ долгой ходьбы.

*

Ты-ли?.. Прежде такая цвѣтущая,
Съ ясной, дѣтски-наивной улыбкой своей,
Къ свѣту, правдѣ всегда неустанно-идущая
Съ твердой вѣрой въ себя и людей.

*

Голосокъ твой, восторженно смѣлый,
Помню я; твой восторгомъ сіяющій взглядъ,
Притворяться и лгать неумѣлый,
Твой небрежно-изящный нарядъ.—

* *

Все я помню, да только не вѣрится,
Что ты, прежняя, станешь такой,
Что потухнеть тотъ взглядъ, что та вѣра
[замѣнится
Неподвижной, холодной тоской.

* *

Видно, пылкую, холодомъ рѣзкимъ обвѣяло—
Людскимъ холодомъ, злобой людской.
Весь твой путь эта злоба шипами усѣяла,
Загубила порывъ молодой.

* *

Усмѣхаешься?! Плачь лучше... Плачь же не-
[счастная!
Этотъ смѣхъ для тебя—гробовая доска:
Въ немъ отчаянье слышится, боль и ужасная.
Неподвижная, мертвенно-злая тоска.

„Ля“.

ХРОНИКА.

— Выпускъ I-аго номера нашего журнала „Общими силами“, предполагавшійся еще въ ноябрѣ, могъ выйти только въ январѣ, т. к. мы ранѣе не имѣли на это разрѣшенія г-на Губернатора.

— 27 января въ зданіи 1-й женской гимназіи преподавательницей словесности г-жей В. Н. Хитриной былъ прочитанъ для учащихся рефератъ „Русскіе славянофилы“, точно такъ же, какъ учительницей географіи г-жей А. Я. Масловой былъ сдѣланъ докладъ о Галиціи.

— Ученики Екат. мужской гимназіи VIII кл., сдававшіе въ январѣ мѣсяцѣ выпускные экзамены, имѣли по словесности письменной тему „Положительныя и отрицательныя черты Обломова“ (Гонч. Обломовъ).

— Основавшійся въ 1-ой женской гимназіи „Физико-математическій кружокъ“ видимо развивается, по крайней мѣрѣ, въ ученицахъ видѣнъ интересъ къ дѣлу.

— Собранія общества „Уральскаго майскаго союза“ продолжаютъ устраиваться, хотя и не каждое воскресенье. Г-нъ Клеръ, иниціаторъ этого дѣла, видимо всѣми силами хочетъ заинтересовать и втянуть публику, но публика плохо на это реагируетъ.

— 1-го февраля состоялась выдача аттестатовъ ученикамъ мужской гимназіи, сдавшимъ въ январѣ; аттестаты получены 8-ю учениками.

Въ обществѣ „Уральскій Майскій союзъ“ по иниціативѣ двухъ членовъ-союзниковъ (ученика мужской гимназіи 7 кл. и ученицы первой женск. гимн. 8 кл.) организовались двѣ секціи энтомологическая и ботаническая. Цѣль этихъ секцій—возможно ближе ознакомиться съ жизнью насѣкомыхъ (энтомологическая) и жизнью и строеніемъ растеній (ботаническая).

Лѣтомъ обѣ секціи будутъ устраивать экскурсіи, во время которыхъ будутъ составляться коллекціи. Сейчасъ началась теоретическая и практическая подготовка къ лѣтнимъ занятіямъ. Для этого устраиваются въ музеѣ по понедѣльникамъ (энтомологическая секція) и четвергамъ (ботаническая секція) каждую недѣлю въ 5 ч вочера собранія, на которыхъ читаются доклады и ведутся практическія занятія.

— Въ Екатеринбургской частной, женской гимназіи А. Е. Румянцевой оставилъ занятія преподаватель естественной исторіи, физики, географіи и космографіи М. Д. Андреевъ, уѣхавшій въ Оренбургъ въ казачье военное училище съ цѣлью военной подготовки. М. Д. Андреевъ хочетъ сдать экзаменъ и уѣхать на войну.

— **Отъ редакціи.** Предолагаемая статья „Германія наканунѣ войны" не будетъ выпущена во 2-мъ номерѣ нашего журнала за болѣзнью автора.

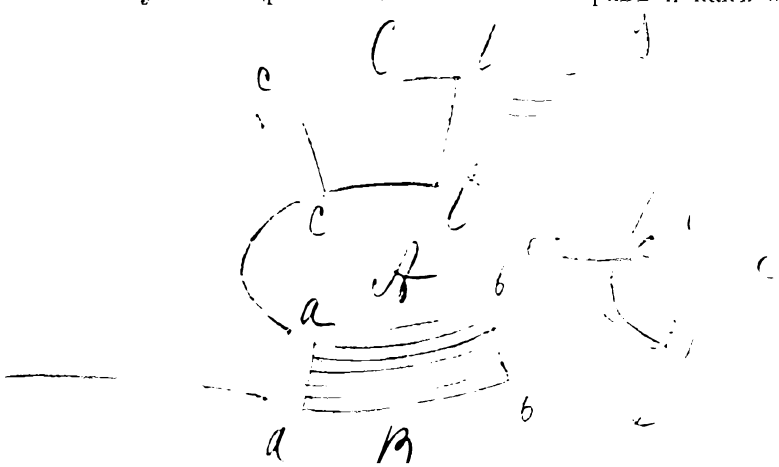
СМѢСЬ.

Мосты и острова.

Не живете ли вы или, можетъ быть, не приходилось ли вамъ, когда нибудь, жить въ такомъ городѣ или мѣстности, гдѣ протекаютъ рѣки, которыя дѣлятся на рукава и протоки и, такимъ образомъ, образуютъ острова. Черезъ эти рѣки и ихъ протоки переброшены, вѣроятно, мосты или переходы, соединяющіе различныя части города. Не задавали ли вы когда нибудь себѣ вопроса, можно ли перейти всѣ эти мосты, но перейти ихъ такъ, чтобъ побывать на каждомъ только по одному разу. Если вы задавали себѣ такой вопросъ то, слѣдовательно, вы стояли передъ весьма важной и интересной задачей, служащей отличнымъ введеніемъ въ область геометріи, называемой геометріей расположеній. Геометрія расположеній занимается только вопросами порядка и расположенія, оставляя въ сторонѣ всѣ геометрическія фигуры и тѣла. Геометрія эта извѣстна людямъ съ глубокой древности, такъ какъ всѣ вопросы, касающіеся такихъ игръ, какъ шахматы, шашки, многія карточныя задачи и т. д., наконецъ, такая задача, какъ подборъ разноцвѣтныхъ нитей для какого либо узора—все это относится къ геометріи расположенія. Но, несмотря на это, для общихъ основаній этой области геометріи сдѣлано сравнительно не много. А потому совѣтую заняться разработкой геометріи расположенія и въ частности изученіемъ слѣдующей задачи:

Въ мѣстности II есть островъ по имени К. Рѣка, огибающая островъ, дѣлится на 2 рукава, черезъ которые переброшено семь мостовъ: a, b, c, d, e, f, g. Спрашивается, можно ли сдѣлать такую прогулку, чтобы за одинъ разъ обойти всѣ эти мосты, не проходя ни черезъ одинъ изъ нихъ болѣе одного раза?

„Это вполнѣ возможно"! — говоритъ мнѣ А—„нѣтъ это невозможно"! утверждаетъ В. И между А и В возникаетъ споръ. Читатель, разрѣшите, кто изъ нихъ правъ и какъ это доказать?



(Былина).

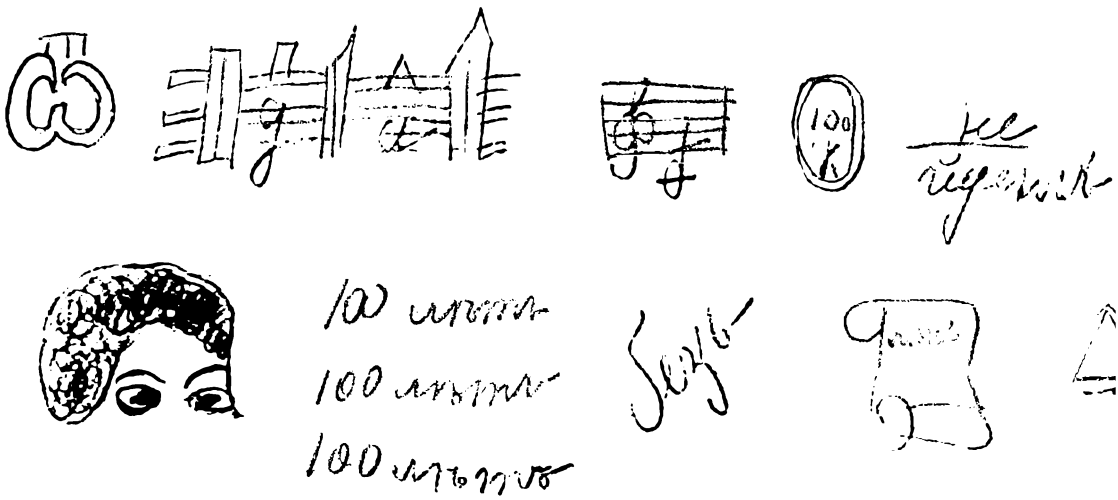
Опустилося утро сѣрое.
Сѣрое утро осеннее
На широкія улочки,
На узкіе переулочки
Людна города.
Не купцы идутъ во лавочки.
Не разносчицы со товарами,
То идетъ—идетъ молодой народъ
Учитися—обучатися уму разуму.
Какъ ужъ дверцы заведеньица·
Отпиралися. распахалися
Много, много разковъ.
А только вотъ шире прежняго
Двери отворилися,
Пуще прежняго дубовыя стукнули,
То пришла, пришла обучатися
Ольга свѣтъ Ивановна Филиппова.
Ужъ какъ та-то Оля маленька,
Ужъ какъ та-то Оля удаленька:
Она въ плясъ пойдетъ,
Лоскомъ полъ возьметъ.
Ходитъ-то она прискакивая.
Смѣючись улыбаючись!
А сидитъ-то она на дубовой на скамеечкѣ.
Ровно кто ее пожаливаетъ:
Лѣва рученька даетъ записочку,
Права рученька строчитъ другу;
Однимъ глазкомъ глядитъ на учительщу,
Однимъ ушкомъ ее слушаетъ.
Другимъ глазкомъ глядитъ въ книжечку,
Другимъ ушкомъ слушаетъ подруженьку любезную.
Глазки у Оли, какъ у рыбочки,
Руса косынька за фартучкомъ болтается.
Ужъ какъ сбрасывала Оля шубку съ своего плеча
А калоши въ разны стороны разбрасывала
Старый старичекъ—онъ сердится
На Ольгу да свѣтъ Ивановну,
Что-де съ недѣлю, какъ у шубки ея нѣту вѣшалки.
Оля старика не слушала,
Она забирала свои книжечки.
Она взбѣгала по крутой по лѣсенкѣ, по мраморной.

То не сто пудовъ свалили ко полу,
То не молоты въ стѣны ударили,
То шла по дощечкамъ по крашенымъ,
Катерина свѣтъ Васильевна Булдыгина.
Ужъ какъ та-то Катюша коренаста была,
Ужъ какъ та-то Катюша мускулиста была.
Ужъ какъ Катя съ Олей повстрѣчалися,
Повстрѣчалися, цѣловалися.
Разговаривала тутъ Оленька:
„Ужъ ты дура, нахалка, идіотка“!
(Голосокъ у ней, что струйка, звенитъ)
Ничего же ты не вѣдаешь:
Не знаю я ни бельмеса изъ заданнаго
Ни изъ заданнаго, ни изъ ученаго.
Ужъ учитель-то на меня прогнѣвается,
Онъ поставитъ мнѣ пару жирную.
А учительница строгая,
Она засвѣтитъ единицу въ тетрадочкѣ.
Не труба трубитъ во полуночи,
Не ротный на солдатиковъ покрикиваетъ,
Говоритъ Катюша Оленькѣ:
„Пошто-же ты ни аза то не вѣдаешь“?
„Читала я вчера за полночь“,
Взговорила Оленька зарумянившись,
„Ужъ какъ были у меня двѣ книжечки,
Я едва то ихъ добыла;
То Вербицкой одна „Ключи счастьица“
А другая не угадаешь, не увѣдаешь.
Была книжечка завѣтная,
Желаннаго автора любимаго,
Сочиненьице было Вернера“
„А читала ли ты Успенскаго?
А знаешь ли ты Михайловскаго, Чернышевскаго“?
Спрашивала тутъ Катя Оленьку.
„Я ихъ то не читывала,
Что есть слыхомъ то не слыхивала...
Выручи, Катюша, отъ бѣды отъ лютой,
Не дай получить единицы съ двойкой,
А то папа пробирать станетъ,
А то мама попрекать начнетъ“...
„Слушай ты, голова отчаянная“,
Говорила тутъ Катюша суровая,
Ты садись—садись за мою спину, за широкую,
Открывай ты книжечку и садись учи,
А какъ вызоветъ учитель тебя

Ты начнешь читать по книжечкѣ,
Онъ сидитъ всегда на своемъ стулѣ,
Не западетъ у него подозрѣньица.
А чтобъ не писать тебѣ работы письменной,
Надо только крови твоей пролить струйку алую.
У меня то есть острый ножичекъ,
Посѣку я тебѣ руку бѣлую,
Побѣжимъ мы къ старицѣ,
Возьмемъ у ней тряпки бѣлыя;
Замотаю тебя раненую,
Завяжу тебѣ руку искалѣченную,
Не заможешь писать работы письменной".
„Охъ ты, матушка—спасительница!
Ты хоть чашку крови пролей,
Хоть ты всю изрѣжь меня,
Единицы лишь бы не было"!..
Доставала Катюша острый ножечекъ,
Только на этотъ разъ она схвастала:
Острый ножечекъ родился тупехонькимъ.
Оля глазынки зажмурила,
А Катюша хватила ножечкомъ по пальчику,
Она до крови не прорѣзала.
Во второй разъ тоже крови не случилося,
Разсердившись Катя хватила здорово,
Алой струечкой кровь засочилася,
Остальные два надрѣза прорвались тоже,
Кровь бѣжитъ по рученькѣ, по фартучку.
Онѣ заматывали пальцы носовымъ платкомъ,
Онѣ бѣжали ко старой старушенціи,
Онѣ просили у ней тряпку бѣлую,
Завязывали ей пальцы раненые...
То не гибокъ камышъ къ водѣ клонится,
То не серебрякъ ручей журчитъ по камушкамъ,
Поклоняется Ольга Катенькѣ:
„Исполати тебѣ, вѣрный другъ,
Что изъ бѣды выручила изъ лютыя,
Не забыть мнѣ въ вѣкъ твоей милости.

Я.

Ребусъ.



КРИТИКА.

Нѣсколько словъ о стихѣ „Гдѣ бури бушуютъ".

Скажу нѣсколько словъ объ этомъ стихотвореніи. Я внимательно прочла его и нахожу, что авторъ не лишенъ нѣкотораго дарованія, но совершенно не умѣетъ пользоваться, находящимся въ его рукахъ матеріаломъ. Внѣшняя обработка стихотворенія превосходна. Когда читаешь его, то слова и фразы льются свободно и красиво. Соблюдена рифма, но стиль слабый. Повидиму авторъ, заботясь о красотѣ слога и рифмѣ, позабылъ о содержаніи. Мѣстами онъ противорѣчитъ себѣ:

„Гдѣ бури бушуютъ.
Гдѣ вѣтры шумятъ,
Понуривъ вѣтвями.
Березки стоятъ".

Ну, гдѣ же здѣсь сообразность? „Бушуютъ бури", дуютъ вѣтры, а березки стоятъ не шелохнувшись. Вѣдь это абсурдъ. Авторъ навѣрно не задумался надъ этимъ или же не далъ себѣ отчета въ томъ, что написалъ.

Отвѣтственный Редакторъ-Издатель *В. А. Бѣляева.*

Екатеринбургъ. тип. „Художественная печать".